

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

— ТРОЕ —

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

Трое

«АСТ»

1979

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Трое / К. Фоллетт — «АСТ», 1979 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-082977-4

1968 год. Разгар арабо-израильского конфликта. Опытный агент «Моссада» Натаниэль Дикштейн получает задание похитить уран в объеме, достаточном для изготовления атомной бомбы, и составляет элегантный, до мелочей продуманный план похищения и подмены торгового судна «Копарелли», перевозящего крупную партию урановой руды. Однако операции угрожает опасность: старый знакомый Натаниэля, египетский разведчик Ясиф Хасан, совершенно случайно узнал его... И тогда начинается поединок асов международного шпионажа, одинаково блестяще владеющих своим нелегким ремеслом, дуэль, исход которой совершенно непредсказуем, а от результата зависит очень многое...

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-082977-4

© Фоллетт К., 1979

© АСТ, 1979

Содержание

Пролог	6
Глава первая	15
Глава вторая	26
Глава третья	37
Глава четвертая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кен Фоллетт

Трое

© Ken Follett, 1979

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Следует отметить, что единственная трудность при проектировании атомной бомбы состоит в подготовке расщепляющегося материала достаточной степени чистоты; сам процесс изготовления относительно прост...
Энциклопедия «Американа»

Алу Цукерману

Пролог

Однажды они встретились все вместе.

Это произошло много лет назад, еще до описываемых событий. Если быть точным, в первое воскресенье ноября 1947 года: именно тогда все собрались в одном доме и даже ненадолго оказались в одной комнате. Кто-то сразу же забыл имена и лица; у кого-то выветрился из памяти целый день. Двадцать один год спустя, когда это вдруг стало важным, им пришлось притворяться и узнавающе кивать, глядя на выцветшие снимки: «Как же, помню-помню...»

В той случайной встрече нет ничего особенного. Судьба уготовила им, молодым и талантливым, роль сильных мира сего, влияющих – каждый по-своему – на будущее страны. Оксфордский университет – типичное место, где можно наткнуться на подобных персонажей. Более того, тех, кто изначально не был замешан в этой истории, затянуло в водоворот событий лишь потому, что они познакомились здесь с остальными.

И все же тот день никак нельзя назвать судьбоносным: они собрались на очередной коктейльной вечеринке, которые тогда устраивали в избытке (а вот коктейлей, по мнению студентов, как раз не доставало). Словом, ничем не примечательный день. Ну, почти...

Ал Кортоне постучал в дверь и замер.

За последние три года подозрение, что его друга нет в живых, переросло в уверенность. Дошли слухи, будто Нат Дикштейн попал в плен. К исходу войны распространились жуткие истории о евреях, угодивших в нацистские лагеря, – страшная правда вышла наружу.

Призрак по ту сторону двери скрипнул стулом и зашаркал через всю комнату.

Внезапно Кортоне занервничал. А вдруг Дикштейн стал калекой, обезображенным уродом? Или вовсе сошел с ума? Кортоне терялся, если приходилось общаться с инвалидами или душевнобольными. Они с Дикштейном тесно сблизилась в те дни 1943-го, но кто знает, что стало с ним сейчас?

Дверь открылась, и Кортоне произнес:

– Здорово, Нат.

Дикштейн уставился на него и выпалил в своей простецкой манере:

– Вот те раз!

Кортоне с облегчением улыбнулся в ответ. Они обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по спине и от души отпустили пару крепких солдатских словечек, после чего вошли внутрь.

Дикштейн обитал в старом, обветшавшем доме, расположенном в самом захудалом районе города. В комнате с высоким потолком мебели было немного: узкая, по-армейски тщательно заправленная кровать, массивный шкаф темного дерева с таким же комодом и столик у окна, заваленный книгами. Кортоне показалось, что здесь как-то пусто: не хватало мелочей, придающих жилью уют. Если бы здесь жил он, то развесил бы семейные фотографии, расставил бы сувениры с Ниагарского водопада и Майами-Бич или футбольный кубок за победу в университетском матче.

– Как же ты меня нашел? – спросил Дикштейн.

– Ну, доложу я тебе, это было непросто! – Кортоне снял форменную куртку и бросил на кровать. – Весь день вчера угробил! – Он покосился на единственное кресло: подлокотники неестественно изогнулись, из полинялой обшивки сиденья торчала пружина, а ножка покоилась на томе платоновского «Теэтета». – Живой человек тут сможет усидеть?

– Разве что чином не выше сержанта. Но эти...

– ...за людей не считаются.

Они засмеялись – то была старая армейская шутка. Дикштейн вытащил из-под стола деревянный стул со спинкой и оседлал его. Оглядев друга с головы до ног, он вынес вердикт:

– А ты раздобыл.

Кортоне похлопал себя по намечающемуся брюшку.

– Да, мы во Франкфурте не бедствуем. Зря ты демобилизовался – такие возможности упустил! – Он наклонился и понизил голос, словно хотел сообщить что-то по секрету. – Я нажил целое состояние! Драгоценности, фарфор, антиквариат – и все за мыло и сигареты: немцы же голодают. И главное – за конфеты девчонки готовы на все!

Кортоне выпрямился, ожидая веселой реакции, но приятель смотрел на него молча, с непоницаемым лицом. Ему стало неловко, и он сменил тему:

– Зато тебя толстяком не назовешь.

Поначалу Кортоне обрадовался тому, что Дикштейн жив-здоров и даже ухмыляется по-прежнему. Теперь же, присмотревшись внимательнее, он заметил, как исхудал его друг. Нат Дикштейн всегда был невысокого роста и худощавого телосложения, но теперь он стал похож на скелет. Из-под брючины виднелась тонкая лодыжка, похожая на спичку; мертвенно-бледная кожа и огромные карие глаза за пластиковой оправой очков лишь усиливали впечатление. Четыре года назад это был загорелый, мускулистый парень, жесткий, как подошва армейских ботинок. Частенько вспоминая о своем английском приятеле, Кортоне отзывался о нем так: «Самый крутой сукин сын из тех, кто спас мне жизнь, – и я не вешаю тебе лапшу на уши!»

– Толстяком? Вряд ли, – ответил Дикштейн. – Наша страна до сих пор на голодном пайке, дружище. Ничего, перебиваемся.

– Ну, ты-то знал всякое.

Дикштейн улыбнулся.

– И знал, и едал...

– Говорят, ты попал в плен?

– В Ла-Молине.

– Как же им удалось тебя зацапать?

– Легко. – Дикштейн пожал плечами. – Меня ранило в ногу. Пуля перебила кость, и я вырубился; очнулся уже в немецком грузовике.

Кортоне покосился на его ноги.

– Зажило нормально?

– Мне повезло – в поезде оказался врач.

Кортоне понимающе кивнул.

– А потом – лагерь, да? – Наверное, не стоило спрашивать, но ему хотелось знать.

Дикштейн отвернулся.

– Все было нормально, пока они не узнали, что я еврей. Может, чаю? Виски мне не по карману.

– Нет, не надо. – Кортоне пожалел, что не сдержал язык за зубами. – Да я и не пью больше по утрам.

– Они решили выяснить, сколько раз можно сломать ногу в одном и том же месте.

– Господи...

– Это еще цветочки, – произнес Дикштейн бесцветным голосом и снова отвернулся.

– Скоты! – воскликнул Кортоне. По правде говоря, он не знал, что сказать. На лице Дикштейна застыло странное, незнакомое выражение, похожее... на страх. Но почему? В конце концов, все уже позади.

– Зато мы победили, черт возьми! – Он ткнул Дикштейна кулаком в плечо. Тот ухмыльнулся.

– Это да. Так каким ветром тебя занесло в Англию? И как ты меня нашел?

– По пути в Буффало мне удалось сделать остановку в Лондоне. Я заглянул в Военное министерство...¹ – Кортоне запнулся: он отправился туда, чтобы выяснить, где и как погиб Дикштейн. – Они дали мне адрес в Степни. Когда я туда добрался, оказалось, что от целой улицы остался один дом. Там, под слоем пыли, я откопал того старикана.

– Томми Костера.

– Ага. Ну вот, после двадцати чашек слабого чая и пересказа своей биографии он отправил меня по другому адресу, за углом. Там я познакомился с твоей мамой, выпил еще чая и выслушал еще одну биографию. Когда я наконец выяснил твой адрес, ехать было уже поздно, так что пришлось ждать до утра. Но у меня всего несколько часов – мой корабль отплывает завтра.

– Демобилизуешься?

– Через три недели, два дня и девяносто четыре минуты.

– И что собираешься делать дома?

– Продолжу семейный бизнес. За последние пару лет выяснилось, что я – прирожденный делец.

– А что за бизнес? Ты никогда не рассказывал.

– Грузоперевозки, – коротко ответил Кортоне. – А ты-то как сюда попал? И как тебе вообще пришло в голову поступить в Оксфорд? Что изучаешь?

– Иврит.

– Шутишь!

– Я немного умел писать на иврите, еще до школы, разве я тебе не говорил? Мой дедушка был настоящим грамотеем. Он жил в вонючей каморке над булочной на Майл-Энд-роуд. Я приходил к нему каждые выходные, с тех пор как себя помню; но я не жаловался – наоборот, было здорово. Да и потом, что еще можно изучать?

Кортоне пожал плечами.

– Ну, не знаю... Атомную физику или экономику, например. Зачем вообще учиться?

– Чтобы стать умным, счастливым и богатым.

Кортоне покачал головой.

– Ты не меняешься – все такой же чудик. А девчонки тут есть?

– Очень мало. К тому же я занят.

Кортоне заметил, что Дикштейн покраснел.

– Враки! Да ты влюбился, чучело! Кто она?

– Ну, если честно... – Дикштейн помолчал. – Шансов у меня все равно нет. Профессорская жена экзотична, интеллектуальна и безумно хороша собой.

Кортоне скептически поджал губы.

– М-да, звучит безнадежно.

– Я знаю, но все же... Да ты сейчас сам увидишь.

– Я? Где?

– Профессор Эшфорд устраивает коктейльную вечеринку, и я приглашен. Как раз собирався выходить, когда ты заявился, – объяснил Дикштейн, надевая куртку.

– Коктейльная вечеринка в Оксфорде, – протянул Кортоне. – Будет что порассказать дома, в Буффало!

Утро выдалось солнечным, но холодным. Бледные лучи омывали желтоватую каменную кладку старых зданий. Приятели шли в уютном молчании, засунув руки в карманы, чуть сгор-

---

¹ Военное министерство было образовано в Великобритании в 1857-м; в 1964 году вошло в состав Министерства обороны. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

бившись от напора ледяного ноябрьского ветра, завывающего в переулках. Кортоне бормотал себе под нос: «Дремлющие шпили², мать твою...»

На улицах было почти пустынно. Заметив на противоположной стороне верзилу в шарфе с эмблемой колледжа, Дикштейн указал на него.

– Смотри, вон русский идет. Эй, Ростов!

Тот поднял голову, помахал им и перешел через дорогу. Он оказался длинным, нескладным, в костюме не по росту. Кортоне уже начало казаться, что в этой стране все тощие.

– Ростов учится со мной в Бейллиоле³. Познакомьтесь: Давид Ростов – Алан Кортоне. Мы с Алом вместе воевали в Италии. Идешь к Эшфорду?

Русский энергично кивнул.

– Как не выпить на дармовщинку!

– Вы тоже изучаете иврит? – спросил Кортоне.

– Нет, я изучаю буржуазную экономику, – ответил Ростов.

Дикштейн расхохотался. Кортоне не понял юмора.

– Ростов из Смоленска, – объяснил Дикштейн. – Он у нас член КПСС – Коммунистической партии Советского Союза.

Кортоне все еще не улавливал сути.

– А я думал, из СССР никого не выпускают.

Ростов пустился в долгие, запутанные объяснения про отца, служившего дипломатом в Японии, когда началась война. Выражение его лица было серьезным, но временами в уголках губ пряталась хитроватая усмешка. Несмотря на весьма средний английский, он умудрялся разговаривать в снисходительной манере. Кортоне отключился и стал думать о том, как бывает в жизни: полюбишь человека, словно родного брата, сражаешься с ним бок о бок – и вдруг он пропадает и принимается учить иврит, и ты понимаешь, что на самом деле никогда его толком и не знал.

– Ну, ты решил насчет Палестины? – спросил Ростов у Дикштейна.

– А что с Палестиной? – встрял Кортоне.

Дикштейн нахмурился.

– Пока не знаю.

– Ты должен поехать! – убеждал Ростов. – Только создав свою национальную территорию, евреи помогут разбить останки Британской империи на Ближнем Востоке⁴.

– Такова линия партии? – поинтересовался Дикштейн, слегка улыбаясь.

– Да, – серьезно ответил Ростов. – Ты же социалист...

– В некотором роде.

– ...а новое государство должно быть социалистическим!

Кортоне не верил своим ушам.

– Да ведь там же бойня! Господи, Нат, ты только вырвался от нацистов!

– Я еще не решил. – Дикштейн раздраженно тряхнул головой. – Пока не знаю, что буду делать. – Похоже, ему не хотелось об этом говорить.

Они шли быстрым шагом. У Кортоне замерзли щеки, хотя в зимнем обмундировании было жарко. Остальные двое начали обсуждать свежий скандал: некоего Моузли – имя ни о чем не говорило Кортоне – уговорили въехать в город на грузовике и произнести речь у памятника святым мученикам. Как выяснилось, Моузли был фашистом. По мнению Ростова, инцидент

---

² «Город дремлющих шпилей» – прозвище Оксфорда, заимствованное из поэмы Мэтью Арнольда «Тирс».

³ Б е й л л и о л – один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета. Основан в 1263 году; назван в честь основателя, Джона де Бейллиола.

⁴ Речь идет о Британском мандате в Палестине (1922–1948), целью которого было провозглашено исполнение Декларации Бальфура и создание в Палестине национального дома для еврейского народа.

доказывал, что социал-демократия куда ближе к фашизму, чем к коммунизму. Дикштейн же видел в этой истории обычный студенческий выпендраж.

Кортоне молча наблюдал за спорящими. Странная это была пара: высоченный Ростов, шагающий широко, словно на ходулях; слишком короткие штанины полоскались на ветру, как флаги, полосатый шарф напоминал повязку; и миниатюрный Дикштейн с огромными глазами в круглых очках, похожий на семенящего скелета. Кортоне интеллектом не блистал, но пустой треп различал с ходу на любом языке. Ни один из них не верил в то, что говорил: Ростов заученно повторял расхожую догму, а за показным равнодушием Дикштейна скрывались совсем другие, более глубокие чувства. Смеясь над Моузли, Дикштейн походил на ребенка, который смеется над своим ночным кошмаром. Спор велся аргументированно, но без огонька, словно дуэль на тупых мечах.

Наконец Дикштейн осознал, что Кортоне не участвует в разговоре. Сменив тему, он стал рассказывать о хозяине дома, куда они направлялись:

– Стивен Эшфорд – личность примечательная. Большую часть жизни провел на Ближнем Востоке; говорят, нажил там небольшой капитал и тут же потерял его. Он пускался в разные авантюры, например, пересекал Аравийскую пустыню на верблюдах.

– Это, пожалуй, самый разумный способ передвижения по пустыне, – заметил Кортоне.

– У него жена-ливанка, – добавил Ростов.

Кортоне взглянул на Дикштейна.

– Та самая...

– Совсем молодая, – поспешно перебил Дикштейн. – Эшфорд привез ее в Англию перед началом войны и устроился здесь преподавателем семитских языков. Если он начнет угощать тебя марсалай вместо хереса, значит, ты злоупотребил гостеприимством.

– Их тут различают? – удивился Кортоне.

– Вот мы и пришли.

Кортоне ожидал увидеть чуть ли не мавританскую виллу, но дом Эшфорда оказался имитацией стиля Тюдор; само здание было окрашено в белый цвет, а двери и наличники – в зеленый. Сад перед домом больше походил на джунгли. К центральному входу вела дорожка из кирпича; приятели вошли в открытую дверь и оказались в тесном квадратном холле. Откуда-то доносились отголоски смеха – вечеринка уже началась. Внезапно распахнулась внутренняя дверь, и к ним навстречу вышла ослепительно красивая женщина.

Кортоне замер, словно загипнотизированный. Послышался голос Дикштейна: «Познакомьтесь, это мой друг, Алан Кортоне», и ему позволили пожать изящную кисть цвета шоколада, сухую и теплую.

Женщина повернулась и повела их за собой в гостиную. Дикштейн тронул Кортоне за плечо и ухмыльнулся: он догадывался, какие эмоции терзают друга. Кортоне обрел дар речи и тихонько воскликнул:

– Вот это да!

Крошечные рюмки с хересом чинно выстроились на маленьком столике, как на параде. Хозяйка подала одну из них Кортоне и улыбнулась.

– Кстати, меня зовут Эйла Эшфорд.

Он жадно рассматривал ее, пока она занималась гостями. Эйла выглядела совершенно естественно – без малейших следов макияжа на изумительном лице, с прямыми черными волосами, в простом белом платье и сандалиях, тем не менее все вместе производило потрясающий эффект наготы. Кортоне стало жарко от внезапно нахлынувших животных фантазий.

Усилием воли он заставил себя отвернуться и принялся разглядывать помещение. Судя по обстановке, хозяева жили не по средствам: на всем лежал налет элегантно небрежности. Из-под роскошного персидского ковра выглядывал облупившийся серый линолеум; на журнальном столике валялись детали радиоприемника, который кто-то пытался чинить; на стенах

бросались в глаза более темные прямоугольники обоев в том месте, где раньше висели картины; некоторые рюмки были явно из другого набора.

В комнате собралось около дюжины человек. У камина араб в жемчужно-сером европейском костюме хорошего покроя разглядывал деревянную резную облицовку. Эйла Эшфорд подозвала его.

– Познакомьтесь, это Ясиф Хасан, друг нашей семьи. Он учится в Вустере.

– Я знаком с Дикштейном, – сказал Хасан, пожимая руки остальным.

Весьма хорош собой для черномазого, подумал Кортоне, и держится высокомерно – все они задирают нос, когда наскребают деньжат и белые господа пускают в свой дом.

– Вы из Ливана? – спросил Ростов.

– Из Палестины.

– Ага! – оживился Ростов. – И что вы думаете о плане ООН по разделу Палестины?

– Плевать на план, – лениво ответил араб. – Англичане должны уйти, а в моей стране создадут демократическое правительство.

– Но ведь тогда евреи будут в меньшинстве, – возразил Ростов.

– Так они и в Англии в меньшинстве. Что ж теперь, устроить им национальный дом в Суррее?

– Суррей никогда не был их родиной – в отличие от Палестины.

Хасан изящно пожал плечами.

– Ну да, в те времена, когда Англия была родиной валлийцев, Германия – англичан, а норманны жили в Скандинавии. – Он повернулся к Дикштейну: – У тебя есть чувство справедливости, что скажешь?

Дикштейн снял очки.

– Справедливость здесь ни при чем. Я просто хочу, чтобы у меня был свой дом.

– Даже если для этого придется выгнать меня из моего? – спросил Хасан.

– Можешь забрать себе весь Ближний Восток.

– Он мне не нужен.

– Что и требовалось доказать, – вставил Ростов. – Раздел просто необходим.

Эйла Эшфорд предложила гостям сигареты. Кортоне взял одну и помог ей прикурить.

Пока другие спорили о политике, Эйла спросила Кортоне:

– А вы давно знаете Дикштейна?

– Мы познакомились в 1943-м, – ответил он, глядя, как шоколадные губы смыкаются вокруг сигареты – Эйла даже курила сексуально.

Аккуратно сняв табачную крошку с кончика языка, она сказала:

– Ваш товарищ вызывает мое любопытство.

– Почему?

– Нат – совсем еще мальчик, но какой-то... опытный, зрелый. И, хоть он и кокни, нисколько не смущается в присутствии всех этих господ из высшего общества. К сожалению, он никогда о себе не рассказывает.

Кортоне кивнул.

– Я тоже начинаю понимать, что мало знаю его.

– Муж говорит, у него большие способности.

– Однажды он спас мне жизнь.

– Бог ты мой! – Эйла пристально взглянула на Кортоне, словно прикидывая, не слишком ли тот драматизирует. – Расскажите мне.

К ним подошел лысеющий мужчина среднего возраста в мешковатых вельветовых брюках. Коснувшись ее плеча, он спросил:

– Милая, как тут дела?

– Все хорошо, – ответила она. – Мистер Кортоне, познакомьтесь – мой муж, профессор Эшфорд.

– Очень приятно, – пробормотал Кортоне. Он ожидал увидеть по крайней мере Лоуренса Аравийского⁵. Может, у Ната все-таки есть шанс?

– Мистер Кортоне рассказывал мне, как Нат спас ему жизнь.

– Да что вы! – удивился Эшфорд.

– История довольно простая, – сказал Кортоне. Он оглянулся на Дикштейна – тот был погружен в разговор с Хасаном и Ростовым. Их позы выдавали отношение каждого к теме обсуждения: Ростов стоял, широко расставив ноги, тряся указательным пальцем, словно учитель, уверенный в своей догме; Хасан курил, прислонившись к книжному шкафу, сунув руку в карман, притворяясь, будто спор о будущем его страны ведется из чисто теоретического, праздного интереса; Дикштейн скрестил руки на груди, вздернул плечи и склонил голову в напряжении; его поза противоречила бесстрастному тону реплик. До них донеслась фраза «Британцы обещали Палестину евреям» и ответная реплика «Бойтесь даров от воров».

Кортоне повернулся к Эшфордам и принялся рассказывать:

– Дело было на Сицилии, в местечке под названием Рагуза – холмистый такой городок. Я сопровождал отряд «Подразделения Т»⁶. Так вот, к северу мы наткнулись на немецкий танк в крохотной ложбине, у самой рощицы. В нем никого не было, но я на всякий случай кинул туда гранату. Когда мы проезжали мимо, раздался выстрел – всего один, – и с дерева свалился немец с пулеметом. Оказалось, что он там прятался, дожидаясь нас; его-то Нат и подстрелил.

Глаза Эйлы заблестели от восторга, а вот ее муж изрядно побледнел. Видимо, желудок профессора не был готов к теме жизни и смерти. «Ну, старичок, надеюсь, Дикштейн не станет посвящать тебя в свои «приключения», раз ты такой нежный», – подумал Кортоне.

– В это время англичане обходили город с другой стороны, – продолжил он. – Нат, как и я, заметил танк и почуял ловушку. Он засек снайпера и как раз ждал, не появится ли еще кто-то, – а тут мы. Так что если бы не Нат, я бы сейчас тут не стоял.

Какое-то время все молчали. Наконец Эшфорд произнес:

– Мы склонны слишком быстро забывать, а ведь это было так недавно...

Эйла вспомнила об обязанностях хозяйки.

– Мы обязательно еще поговорим с вами перед уходом, – сказала она Кортоне и отошла в другой конец комнаты, где Хасан пытался открыть стеклянную дверь, выходящую в сад.

Эшфорд нервно провел пальцами по тонким прядям за ухом.

– Нам, гражданским, обычно рассказывают о крупных сражениях, но сами солдаты, наверное, больше помнят вот такие локальные случаи.

Кортоне кивнул, думая о том, что Эшфорд явно не имеет ни малейшего представления о войне. Интересно, вправду ли молодость профессора была такой уж полной приключений, как расписывал Дикштейн?

– Ну а потом я привез его в гости к родне – наша семья как раз из Сицилии. Те закатали в честь Ната пир. Мы провели вместе всего несколько дней, но сблизились, как братья – ну, вы понимаете.

– Конечно.

– Когда я узнал, что его взяли в плен, то потерял надежду увидеть его живым.

– Вам известны подробности? – спросил Эшфорд. – Он не любит об этом говорить.

Кортоне пожал плечами.

---

⁵ Лоуренс Аравийский – прозвище Томаса Эдварда Лоуренса, британского офицера, сыгравшего важную роль в Великом арабском восстании 1916–1918 годов; на основе этих событий снят одноименный фильм.

⁶ Подразделение Т – спецподразделение, сформированное в 1944-м силами Великобритании и США и состоящее из легковооруженных отрядов повышенной мобильности; в их задачи входил захват объектов, имеющих ценность для науки или разведки.

- Он пережил лагеря.
- Ему повезло.
- Вы так думаете?

Эшфорд пристально посмотрел на Кортоне, смутился и, отвернувшись, обвел взглядом присутствующих.

– Знаете, не совсем типичное сборище для Оксфорда. Дикштейн, Ростов и Хасан выбиваются из общей массы. Вот, например, Тоби – классический образчик студента. – Он привлек внимание краснощекого юноши в твидовом костюме и широком галстуке в «огурцах». – Тоби, иди сюда! Познакомься, это мистер Кортоне – боевой товарищ Дикштейна.

Тоби пожал ему руку и отрывисто спросил:

- Каковы шансы, что Дикштейн выиграет? Стоит на него ставить?
- О чем речь? – спросил Кортоне.

– Дикштейн будет играть играть в шахматы с Ростовым, – пояснил Эшфорд. – Говорят, оба чертовски хороши. Видимо, Тоби хочет поставить на победителя, вот и выпытывает у вас информацию из первых рук.

– А я думал, в шахматы только старики играют, – удивился Кортоне.

Тоби поперхнулся и залпом осушил бокал. Их с Эшфордом явно огорошил этот комментарий.

Из сада вышла девочка лет четырех-пяти, держа на руках старого серого кота. Эшфорд представил ее с умильной гордостью позднего отца:

– Это Суза.

– А это Езекия, – сказала девочка. Кожу и волосы она унаследовала от матери и обещала стать такой же красавицей. Кортоне усомнился, вправду ли Эшфорд ее отец: между ними не было ни малейшего сходства.

Малышка взяла кота за лапку и протянула Кортоне. Тот услужливо пожал ее.

– Здравствуй, Езекия.

Суза подошла к Дикштейну.

– Доброе утро, Нат. Хочешь погладить Езекию?

– Какая миленькая! – сказал Кортоне Эшфорду. – Извините, мне надо поговорить с Натом.

Присев на корточки, Дикштейн гладил кота; похоже, они с Сузой были давними друзьями.

– Это Алан, мой друг, – представил он Кортоне.

– Мы уже познакомились, – сказала девочка, кокетливо дрогнув ресницами. Научилась у матери, подумал Кортоне.

– Мы вместе воевали, – уточнил Дикштейн.

Суза взглянула на Кортоне.

– Ты убивал людей?

Тот поколебался, но все же ответил:

– Конечно.

– Тебе стыдно?

– Не очень. Я убивал плохих людей.

– А вот Нат не любит говорить об этом, потому что переживает.

Похоже, ребенок понял про Дикштейна больше, чем все взрослые, вместе взятые.

Кот неожиданно выпрыгнул из ее рук; Суза побежала за ним. Дикштейн выпрямился.

– По-моему, шансы у тебя все же есть, – тихо сказал Кортоне.

– Ты думаешь?

– Ей никак не больше двадцати пяти; он лет на двадцать старше – и явно не орел. Если они поженились перед войной, ей тогда было около семнадцати. И что-то не чувствуется между ними пылкой любви.

– Твоими бы устами да мед пить, – пробормотал Дикштейн без особого интереса. – Пойдем, я покажу тебе сад.

Они вышли через застекленную дверь. Солнце уже стояло высоко, и воздух немного прогрелся. Буйная зелень кустов простиралась до самой реки.

– Тебе вся эта братия не по душе, да? – спросил Дикштейн.

– Война закончилась, – сказал Кортоне. – Судьба разнесла нас с тобой по разным полюсам. Профессора, шахматы, коктейли... Я словно на другой планете. У меня в жизни все просто: заключить сделку, обойти конкурентов, накопить немного денег. Я хотел было предложить тебе работу, но, похоже, зря потрачу время.

– Алан...

– погоди, послушай! Мы, наверное, потеряемся – я не мастер писать письма. Но я никогда не забуду, что ты спас мне жизнь. Однажды, может быть, понадобится вернуть долг – ты знаешь, где меня найти.

Дикштейн открыл было рот, чтобы ответить, но тут до них донеслись чьи-то голоса.

– Нет... не надо... не здесь... – слабо протестовала женщина.

– Я хочу! – властно возразил мужчина.

Дикштейн с Кортоне стояли возле густой самшитовой изгороди, отделяющей угол сада: кто-то начал обустраивать здесь лабиринт, да так и не кончил. В нескольких шагах виднелся небольшой проход; дальше изгородь поворачивала направо, к реке. Голоса явно доносились с той стороны изгороди.

– Перестань, а то закричу! – повторила женщина хриплым голосом.

Приятель шагнул в проход.

Увиденное навсегда впечаталось в память Кортоне. С трудом отведя взгляд, он обернулся к другу. Лицо Дикштейна посерело от шока; открыв рот, он смотрел на парочку с ужасом и отчаянием.

Платье Эйлы было задрано до пояса; раскрасневшись от удовольствия, она жадно целовала Хасана.

Глава первая

Раздался мелодичный звон, и система оповещения каирского аэропорта на четырех языках объявила о прибытии рейса «Аль-Италии» из Милана. Тофик эль-Масири покинул буфет и вышел на смотровую площадку. Надев солнечные очки, он взгляделся в знойное марево. «Каравелла» уже приземлилась и выруливала на стоянку.

Тофика привела сюда зашифрованная телеграмма, полученная утром от «дяди» из Рима. В сфере бизнеса часто использовались шифры – большей частью для экономии денег, нежели для передачи секретной информации. Телеграмма «дяди», расшифрованная согласно кодовому словарию, сообщала детали завещания его покойной жены. Однако у Тофика имелся еще один ключ. Воспользовавшись им, он прочел следующее:

ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ: ПРОФЕССОР ФРИДРИХ ШУЛЬЦ. ПРИБЫВАЕТ ИЗ МИЛАНА В КАИР В СРЕДУ 28 ФЕВРАЛЯ 1968 ГОДА НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ. ВОЗРАСТ: 51 ГОД. РОСТ: 1,80 М. ВЕС: 68 КГ. ВОЛОСЫ: СЕДЫЕ. ГЛАЗА: ГОЛУБЫЕ. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: АВСТРИЕЦ. СПУТНИКИ: ЖЕНА.

Пассажиры уже спускались по трапу. Тофик засек свою цель почти сразу: на борту оказался лишь один высокий худощавый седовласый мужчина в светло-синем костюме, белой рубашке и галстук; в руках он нес полиэтиленовый пакет из «Дьюти-фри» и фотоаппарат. Рядом с ним шла его жена: намного ниже ростом, в модном платье-мини и блондинистом парике. Пересекая летное поле, они оглядывались и вдыхали сухой жаркий воздух пустыни, как и большинство людей, впервые оказавшихся в Северной Африке.

Один за другим пассажиры просачивались в зал прибытия. Тофик дождался разгрузки багажа, вошел в здание и смешался с небольшой толпой встречающих возле стойки таможенного контроля.

За первые полгода обучения Тофик узнал, как обращаться с оружием, запоминать карты, вскрывать сейфы и убивать людей голыми руками; но никто не читал им лекций по искусству терпения, не устраивал практикумов на тему мозолей или семинаров по скуке. Ему уже на €чало казаться... *что-то не так...* на€чало казаться... *внимание, внимание...*

В толпе был еще один агент.

Сигнал тревоги сработал в подсознании в тот момент, когда Тофик размышлял о терпении. Люди, ожидавшие родственников, друзей и деловых партнеров, излишне суетились: они курили, переминались с ноги на ногу, вытягивали шеи и ходили туда-сюда. Их было немного: семья среднего достатка с четырьмя детьми, двое мужчин в традиционных полосатых галабиях⁷, бизнесмен в темном костюме, молодая белая женщина, шофер с табличкой «Форд» и...

... и абсолютно невозмутимый человек.

Темнокожий, как и Тофик, с короткой стрижкой, в костюме европейского покроя, он стоял рядом с многодетной семьей, и на первый взгляд казалось, будто они вместе. Тофик и сам пристроился к бизнесмену тем же манером. Заложив руки за спину, агент неподвижно стоял лицом к выходу из багажного отделения и ничем не выделялся из толпы. Вдоль его носа тянулась бледная полоска кожи, похожая на старый шрам; он коснулся ее нервным жестом и тут же снова убрал руку за спину.

Тофик повернулся к бизнесмену и сказал:

---

⁷ Г а л а б и я – традиционная одежда у народов Северной и Центральной Африки – длинная просторная рубаха с широкими рукавами без воротника.

– И почему всегда так тянут, не понимаю. – Он произнес эту фразу тихим тоном и улыбнулся, так что бизнесмен наклонился ближе, стараясь расслышать, и невольно улыбнулся в ответ; со стороны они смотрелись как давние знакомые.

– Формальности занимают больше, чем сам полет, – поддакнул тот.

Тофик украдкой покосился на агента. Тот продолжал спокойно наблюдать за выходом, не делая попыток замаскироваться под кого-то другого. Может, он и не заметил Тофика? Или, наоборот, решил перехитрить его, специально не прибегая к маскировке, чтобы не выдать себя?

Наконец появились пассажиры. Выхода не было – оставалось лишь ждать и надеяться, что агент встречает кого-то другого.

Шульц с женой появились одними из первых. Агент подошел к ним и обменялся рукопожатиями.

Ну да, конечно.

Он ждал именно Шульца.

Подозвав носильщиков, агент проводил чету Шульцев наружу. Проследив за ними, Тофик вышел через другую дверь и направился к своей машине. Прежде чем сесть, он снял пиджак и галстук, надев взамен солнечные очки и полотняную белую кепку: теперь его не так просто будет узнать.

Решив, что машина агента, скорее всего, стоит у главного входа, Тофик поехал туда. Он оказался прав: носильщики загружали чемоданы Шульцев в багажник серого «Мерседеса». Тофик проехал мимо, вывел свой пыльный «Рено» на шоссе, ведущее из Гелиополя в Каир, и занял правый ряд, двигаясь со скоростью 60 км/ч. Спустя две-три минуты его обогнал серый «Мерседес». Тофик прибавил газу, чтобы не упускать его из виду, и на всякий случай запомнил номер.

Небо постепенно затягивалось тучами. Слегка сбросив скорость на прямой автостраде, обсаженной пальмами, Тофик принялся обдумывать имеющуюся информацию. Сведения, почерпнутые из телеграммы, были довольно скудными: род занятий, национальность, описание внешности. Встреча в аэропорту, напротив, говорила о многом: профессора принимали как ВИП-персону, но тайно. Агент, судя по всему, был местным. На это указывало все: его одежда, машина, манера ожидания. Значит, Шульц здесь по приглашению правительства, но либо он сам, либо пригласившие не желают предавать визит огласке.

Пока что данных маловато. В какой области специализируется профессор Шульц? Он может быть банкиром, производителем оружия, экспертом в области ракетной техники или закупщиком хлопка. Или даже членом ФАТХа⁸.

В Тель-Авиве Шульца явно не считали важной птицей, иначе не послали бы за ним молодого и неопытного Тофика. Не исключено даже, что вся эта затея лишь очередная тренировка.

Въехав в Каир, Тофик сократил расстояние между ним и «Мерседесом»; теперь их разделяла лишь одна машина. Серый автомобиль повернул направо на Корниш-аль-Нил и пересек реку по мосту имени 26 Июля. В тихих респектабельных кварталах движение транспорта заметно поредело, и Тофик забеспокоился, как бы агент его не заметил. Однако через пару минут «Мерседес» миновал клуб офицеров и остановился возле многоэтажного здания с палисандровым деревом в саду. Тофик резко свернул направо и скрылся из вида прежде, чем распахнулись дверцы. Он выскочил из машины и бегом вернулся на угол. Шульцы вместе с агентом уже входили в здание; за ними шел привратник в галабии, волоча за собой багаж.

Тофик осмотрелся: на улице не было подходящего места для слежки. Он вернулся к «Рено», доехал до угла и припарковался на той же стороне улицы, что и «Мерседес».

---

⁸ ФАТХ – движение за национальное освобождение Палестины; палестинская военизированная организация и одна из ведущих партий Палестинской автономии. Является членом Организации освобождения Палестины.

Полчаса спустя агент вышел один, сел в машину и уехал.
Тофик приготовился ждать.

Два дня все шло нормально. А потом ситуация вышла из-под контроля.

До этого Шульцы вели себя как обычные туристы, приехавшие отдыхать и расслабляться. Вечером первого дня они ужинали в ночном клубе и смотрели шоу восточных танцев. На следующий день – обязательные пирамиды и сфинкс, обед в «Гроппи» и ужин в отеле «Найл Хилтон». Утром третьего дня гости встали рано, вызвали такси и поехали в мечеть ибн-Тулуна.

Тофик оставил свою машину возле музея Гайер-Андерсона и последовал за ними. Бегло осмотрев мечеть снаружи, пара отправилась гулять на Шари-аль-Салиба. Они шли не торопясь, рассматривая дома и фонтаны, заглядывая в крошечные темные лавочки, наблюдая за местными женщинами, покупающими лук и перец с уличных лотков. На перекрестке Шульцы остановились и зашли в чайную. Тофик подошел к крытому куполообразному фонтану, обрамленному ажурной решеткой, и принялся изучать барочный рельеф на стенах. Затем он неспешно двинулся вверх по улице, не выпуская из вида чайную; возле овощного лотка задержался, покупая огромные помидоры причудливой формы у босоногого продавца.

Шульцы вышли из чайной и направились к уличному рынку. Здесь Тофику было проще следить за ними, чуть отставая или забегая вперед. Фрау Шульц купила шлепанцы и золотой браслет; полуголый мальчик всучил ей веточку мяты. Тофик порядком обогнал их и присел выпить чашечку несладкого крепкого кофе по-турецки под навесом кафе «У Насифа».

Тем временем пара добралась до крытого рынка и оказалась в шорном ряду. Шульц взглянул на часы, что-то сказал жене – тут Тофик впервые насторожился, – и они прибавили шагу, пока не вынырнули у ворот Баб-Зувейла, ведущих в старый город.

На какое-то время их заслонила тележка, нагруженная кувшинами в стиле Али-Бабы с заткнутыми бумагой горлышками. Когда телега проехала, Шульц уже попрощался с женой и садился в серый «Мерседес».

Тофик шепотом выругался.

Дверцы захлопнулись, и машина тронулась; фрау Шульц помахала вслед. Тофик успел заметить номера – это был тот самый автомобиль, за которым он следовал из Гелиополя. «Мерседес» повернул налево, на Шари Порт-Саид.

Забыв о фрау Шульц, Тофик повернулся и бросился бежать.

Они гуляли около часа, но прошли не больше пары километров. Тофик рванул через шорный ряд и уличный рынок, лавируя между палатками, натываясь на мужчин и женщин; столкнувшись с мусорщиком-нубийцем, он выронил пакет с помидорами. Добежав до своей машины, упал на сиденье, тяжело дыша и морщась от боли в боку, завел мотор и поехал в сторону Шари Порт-Саида на перехват.

Машин было мало – наверняка удастся догнать «Мерседес» на шоссе. Перебравшись с острова Рода по мосту Гиза, Тофик взял курс на юго-запад.

Вряд ли профессор намеренно пытался избавиться от «хвоста». Будь он профессионалом, ушел бы от Тофика раз и навсегда. Нет, Шульц действительно прогуливался по рынку перед встречей в условленном месте, но все это было запланировано агентом заранее.

Вероятнее всего, они поехали за город, иначе Шульц взял бы такси у Баб-Зувейла; к тому же их выбор пал на крупную магистраль, ведущую на запад. Тофик выжал газ до предела. Вскоре пейзаж стал довольно однообразным: прямая, как стрела, дорога, желтый песок и голубое небо.

Показались пирамиды, но «Мерседеса» и след простыл. Здесь дорога раздваивалась: либо на север, в Александрию, либо на юг, в Файюм. С того места, где агент подобрал Шульца, в Александрию ехать нелогично – слишком большой крюк; значит, Файюм.

Наконец Тофик их увидел: они свернули с трассы. К тому времени, как он съехал на боковую дорогу, «Мерседес» ушел вперед на пару километров. Это было уже небезопасно: узкое шоссе могло вести куда угодно – в глубь Ливийской пустыни или даже к нефтяным месторождениям Каттары. Здесь мало кто ездил; сильный ветер временами засыпал асфальт толстым слоем песка. Водитель «Мерседеса» наверняка уже понял, что его преследуют; если он – опытный агент, то, скорее всего, даже припомнит «Рено», примелькавшийся на пути из Гелиополя.

На этом этапе все, чему учили Тофика, летело к черту: тщательная маскировка и прочие тонкости профессии становились бесполезны. Сейчас ему оставалось лишь держаться «на хвосте» – неважно, засекли его или нет: нужно любой ценой выяснить, куда они едут.

Итак, отбросив всякую осторожность, Тофик погнался за ними – и потерял след. «Мерседес» – машина мощная; им понадобилось лишь несколько минут, чтобы скрыться из виду. И все же Тофик продолжал ехать вперед, надеясь догнать их или хотя бы понять конечную цель.

Спустя шестьдесят километров, когда стрелка бензиномера начала угрожающе склоняться к нулю, в глубине пустыни он наткнулся на крошечную деревушку-оазис. Кучка костлявых животных паслась на скудном клочке земли вокруг грязного пруда. Возле хижины на самодельном столике стояла тарелка конских бобов и три банки «фанты» – судя по всему, местное кафе. Тофик вышел из машины и заговорил со стариком, который поил костлявого буйвола:

– Здесь не проезжал серый «Мерседес»?

Крестьянин уставился на него, словно на марсианина.

– Вы не видели, здесь проезжала серая машина?

Старик согнал большую черную муху со лба и кивнул.

– Когда?

– Сегодня.

Пожалуй, более точного ответа ждать не стоило.

– Куда они поехали?

Старик указал на запад, в пустыню.

– Где тут можно заправиться?

Старик указал на восток, в сторону Каира.

Тофик дал ему монету и вернулся в машину.

Он завел мотор и снова взглянул на датчик топлива – оставалось в обрез до Каира; если продолжать погоню, на обратный путь не хватит.

Что ж, делать нечего. Развернувшись, он устало направился в город.

Тофику не нравилась его работа. Рутинная угнетала, стрессовые ситуации пугали. Однако ему сказали, что в Каире ждет сложное, опасное дело; что у него есть все качества профессионала; что в Израиле сложно найти еврея-египтянина столь же высокого уровня. Пришлось согласиться. Он рисковал жизнью ради своей страны не из идеалистических побуждений, а, скорее, из личного интереса: уничтожение Израиля означало бы его собственный крах; сражаясь за Израиль, он сражался за себя самого, рисковал жизнью ради спасения своей жизни. Это было вполне логично. Тем не менее Тофик с нетерпением ждал, когда все закончится. Однажды – лет через пять? десять? двадцать? – когда он будет слишком стар для активных операций, его отпустят домой, на спокойную бумажную работу; он найдет себе славную еврейскую девушку, женится и оседет на земле, за которую боролся.

А пока что, потеряв след профессора Шульца, Тофик принялся за его жену.

Она продолжала осматривать достопримечательности; теперь ее сопровождал молодой араб, которого египтяне выделили для этой цели в отсутствие мужа. Вечером он повел ее ужинать в египетский ресторан; проводив домой, поцеловал в щеку под жакарандой.

На следующее утро Тофик зашел на почту и отправил «дяде» шифровку:

В АЭРОПОРТУ ШУЛЬЦА ВСТРЕТИЛ МЕСТНЫЙ АГЕНТ. ДВА ДНЯ – ОСМОТР ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ. ДАЛЕЕ ВЫШЕУПОМЯНУТЫЙ АГЕНТ ЗАБРАЛ ЕГО И ОТВЕЗ В НАПРАВЛЕНИИ КАТТАРЫ. СЛЕЖКА ПРЕРВАНА. НАБЛЮДАЮ ЗА ЖЕНОЙ.

Он вернулся в Замалек к девяти утра. В одиннадцать тридцать фрау Шульц вышла на балкон выпить кофе; теперь можно определить, где находятся апартаменты Шульцев.

К обеду салон «Рено» раскалился от духоты. Тофик съел яблоко и выпил теплого пива из бутылки.

Ближе к вечеру вернулся профессор. Он выглядел усталым и немного помятым, как человек в возрасте, которому пришлось далеко ехать. Выбравшись из «Мерседеса», Шульц вошел в здание, не оглянувшись. Зато агент, проезжая мимо «Рено», посмотрел Тофику прямо в глаза. С этим уже ничего нельзя поделать.

Но куда же ездил Шульц? Он добирался туда почти целый день и провел там больше суток. Безводная впадина Каттара, являющаяся частью Ливийской пустыни, лишь одно из возможных направлений: по этой дороге можно доехать до самого Матруха на Средиземноморском побережье или свернуть к долине Каркур Талх далеко на юге; могла состояться встреча даже на границе с Ливией – если сменить машину и нанять проводника по пустыне.

В девять вечера Шульцы вышли снова, одетые к ужину; профессор выглядел отдохнувшим. Они немного прогулялись и взяли такси. Тофик принял решение не следовать за ними. Он покинул машину и занял позицию в садике, за кустом, откуда через открытую дверь просматривался холл. Привратник-нубиец сидел на низкой скамеечке, ковыряя в носу.

Тофик ждал.

Через двадцать минут нубиец встал и исчез в задней части здания.

Тофик проскочил через холл и неслышно взбежал по лестнице.

У него были заготовлены три отмычки для американского замка, но ни одна из них не подошла. Наконец ему удалось открыть дверь с помощью куска пластика, отломанного от школьной линейки.

Тофик вошел в квартиру и закрыл за собой дверь.

Снаружи уже стемнело. Сквозь незанавешенные окна проникал слабый свет с улицы. Тофик вытащил из кармана фонарик, но включать не стал.

Просторные апартаменты с белыми стенами были обставлены в колониальном стиле и выглядели неуютно, как и любое необжитое помещение. Квартира состояла из большой гостиной, столовой, трех спален и кухни. Бегло оглядевшись, Тофик принялся за тщательный осмотр.

В маленьких спальнях было пусто. Перейдя в большую, он проворно обыскал все шкафы и комоды. В гардеробе висели довольно безвкусные платья стареющей женщины: в блестках, с пестрыми узорами, в розовых, оранжевых, бирюзовых тонах; судя по этикеткам, куплено все это великолепие в Америке. В телеграмме говорилось, что Шульц – уроженец Австрии; возможно, он живет в Штатах. Тофику так и не удалось услышать его речь.

На тумбочке у кровати лежали путеводитель по Каиру, «Вог» и какие-то тексты по изотопам.

Значит, Шульц – ученый.

Тофик наскоро пролистал распечатку, но почти ничего не разобрал. Наверняка Шульц – выдающийся химик или физик. Если он приехал сюда для участия в разработке оружия, Тель-Авиву это будет небезынтересно.

Личных документов обнаружить не удалось; скорее всего, Шульц носил паспорт и бумажник с собой. Бирки авиакомпаний с чемоданов уже убрали.

В гостиной на журнальном столике остались два пустых бокала с запахом джина: судя по всему, перед выходом Шульцы пили коктейли.

В ванной Тофик нашел одежду, в которой Шульц ездил в пустыню. В туфлях было полно песка; в отворотах брюк виднелись следы какой-то серой грязи, похожей на цемент. В нагрудном кармане мягкого пиджака обнаружился крошечный пластиковый контейнер: в нем оказался светонепроницаемый конверт, в каких обычно хранят фото пленку.

Тофик сунул контейнер в карман. Багажные бирки отыскились в прихожей, в мусорной корзине. Шульцы жили в Бостоне; возможно, профессор преподавал в Гарварде, МТИ или в менее престижном университете поблизости. Тофик наскоро прикинул: во время Второй мировой Шульцу было под тридцать – он вполне мог оказаться немецким экспертом по ракетной технике, переехавшим в США.

Или нет. Необязательно быть нацистом, чтобы работать на арабов.

Одно ясно наверняка: профессор – тот еще скупердяй: мыло, зубная паста, крем после бритья – все прихвачено из отелей.

На полу возле ротангового кресла валялся линованный блокнот формата А3: верхняя страница чистая, рядом карандаш. Возможно, Шульц, потягивая коктейль, набрасывал заметки о своей поездке. Тофик обшарил квартиру в поисках оторванных листов и вскоре обнаружил их останки на балконе, в большой стеклянной пепельнице.

Ночь была прохладной; скоро воздух потеплеет и наполнится благоуханием цветущей жакаранды. Издалека доносился приглушенный гул машин; это напомнило Тофику квартиру отца в Иерусалиме. Интересно, скоро ли он увидит Иерусалим?

Так, здесь больше делать нечего. Надо еще раз взглянуть на блокнот – возможно, на втором листе остались следы от нажима карандашом, и ему удастся разобрать слова. Тофик подошел к балконной двери и уже собирался войти в гостиную, как вдруг услышал голоса.

Он замер.

– Прости, дорогой, я больше не могла видеть эти пережаренные стейки!

– Ну надо же было хоть что-нибудь поесть!

Шульцы вернулись.

Тофик лихорадочно восстановил в памяти свой путь: спальни, ванная, гостиная, кухня... Он вернулся на место все, к чему прикасался, кроме пластикового контейнера. Пусть Шульц думает, что где-то обронил.

Если удастся выбраться незамеченным, они даже не поймут, что здесь был посторонний.

Тофик перевалился через перила и повис на кончиках пальцев, силясь разглядеть землю в кромешной тьме. Он прыгнул наугад, мягко приземлился и неспешно вышел из сада.

Тофик был доволен собой: первое проникновение в чужое жилище прошло как по маслу – не хуже, чем на практических занятиях, включая внезапное возвращение хозяев и отступление по заранее продуманному маршруту. Он ухмыльнулся в темноте. Ничего, еще доживем до бумажной работы!

Тофик сел в машину, завел мотор и включил фары.

Из тени возникли двое и встали по обеим сторонам «Рено».

Это еще кто?!

Раздумывать некогда. Он врубил первую передачу и нажал на газ. Двое поспешно отступили в сторону.

Они не пытались его остановить. Тогда зачем... Проследить, чтобы он не выходил из машины?..

Тофик резко ударил по тормозам и оглянулся на заднее сиденье. В тот же миг сердце пронзила щемящая боль: он понял, что больше никогда не увидит Иерусалим.

Высокий араб в темном костюме улыбался, сверкая дулом маленького револьвера.

– Поехали, – приказал он на арабском. – Только помедленнее, пожалуйста.

В: Имя и фамилия.

О: Тофик эль-Масири.

В: Опишите себя.

О: Двадцать шесть лет, рост – метр восемьдесят, вес – восемьдесят два, глаза карие, волосы черные, черты лица семитские, кожа светло-коричневая.

В: На кого вы работаете?

О: Я – студент.

В: Какой сегодня день недели?

О: Суббота.

В: Кто вы по национальности?

О: Египтянин.

В: Сколько будет двадцать минус семь?

О: Тринадцать.

Данные вопросы предназначены для калибровки детектора лжи.

В: Вы работаете на ЦРУ?

О: Нет. (правда)

В: На немцев?

О: Нет. (правда)

В: Значит, на Израиль.

О: Нет. (ложь)

В: Вы действительно студент?

О: Да. (ложь)

В: Что вы изучаете?

О: Я изучаю химию в университете Каира. (правда) Специализируюсь на полимерах. (правда) Хочу стать инженером-нефтехимиком. (ложь)

В: Что такое полимеры?

О: Сложные органические соединения, состоящие из цепочек молекул; самый распространенный – полиэтилен. (правда)

В: Как вас зовут?

О: Я уже сказал – Тофик эль-Масири. (ложь)

В: К вашей голове и груди прикреплены датчики, измеряющие ваш пульс, сердцебиение, дыхание, потоотделение. Когда вы лжете, вас выдает метаболизм – учащается дыхание, появляется испарина и так далее. Прибор нам подарили русские друзья; если вы говорите неправду, он это фиксирует. Кроме того, мне известно, что Тофик эль-Масири мертв. Так кто вы?

О: (молчит)

В: К головке вашего пениса прикреплен провод; он подключен вот к этой кнопке. Если я нажму на нее...

О: (кричит от боли)

В: ...вас ударит током. Мы поместили ваши ноги в ведро с водой, чтобы усилить действие. Как вас зовут?

О: Абрам Амбаш.

Электрошок создает помехи в работе детектора.

В: Можете закурить.

О: Спасибо.

В: Хотите верить, хотите нет, я ненавижу эту работу, а от тех, кому она нравится, толку мало, вот в чем беда. Здесь нужна тонкость восприятия, понимаете? Я – человек чувствительный, мне неприятно смотреть, как люди страдают. А вам?

О: (молчит)

В: Сейчас вы пытаетесь придумать способ противостоять мне. Не надо, не тратьте время зря. Против современных технологий... м-м... опроса защиты нет. Как вас зовут?

О: Абрам Амбаш. (правда)

В: Кто ваш босс?

О: Не понимаю, о чем вы. (ложь)

В: Бош?

О: Нет, Фридман.

В: Это Бош.

О: Да. (ложь)

В: Нет, не Бош – Кранц.

О: Пусть будет Кранц – как угодно. (правда)

В: Как вы выходите на связь?

О: С помощью радиопередатчика. (ложь)

В: Вы говорите неправду.

О: (кричит)

В: Как вы выходите на связь?

О: Через почтовый ящик в пригороде.

В: Вам кажется, что показания детектора будут неверными, когда вы ощущаете боль, и значит, пытки – ваше спасение. Вы правы лишь отчасти. Это очень умная машина; я потратил многие месяцы на ее изучение. После удара током понадобится лишь несколько секунд для перенастройки прибора на ваш ускоренный метаболизм, и тогда я снова пойму, что вы лжете. Как вы выходите на связь?

О: Через почтовый... (кричит)

В: Али! Он слишком сильно дергается – ноги высвободил. Привяжи его получше. Подбери ведро и налей побольше воды.

(пауза)

Так, очнулся. Ты свободен. Тофик, вы меня слышите?

О: (неразборчиво)

В: Как вас зовут?

О: (молчит)

В: Придется немножко...

О: (кричит)

В: ...простимулировать...

О: Абрам Амбаш.

В: Какой сегодня день недели?

О: Суббота.

В: Что вам давали на завтрак?

О: Конские бобы.

В: Сколько будет двадцать минус семь?

О: Тринадцать.

В: Кто вы по профессии?

О: Я – сту... нет, не надо, ну пожалуйста! Агент! Да, агент, только не нажимайте, бога ради!

В: Как вы выходите на связь?

О: С помощью шифрованных телеграмм.

В: Можете закурить. Держите... а, губы не слушаются... Давайте я помогу... вот так...

О: Спасибо.

В: Постарайтесь успокоиться. Не забывайте: пока вы говорите правду, больно не будет.

(пауза)

Вам лучше?

О: Да.

В: Мне тоже. Теперь расскажите о профессоре Шульце. Зачем вы за ним следили?

О: Мне приказали. (правда)

В: Тель-Авив?

О: Да. (правда)

В: Кто в Тель-Авиве?

О: Не знаю. (промежуточные показания)

В: А вы предположите.

О: Бош. (промежуточные показания)

В: А может, Кранц?

О: Может. (правда)

В: Хороший парень этот Кранц, надежный. Кстати, как там его жена?

О: Отлично; я... (кричит)

В: Его жена умерла в 1958-м. Зачем вы заставляете меня причинять вам боль? Чем занимался Шульц?

О: Два дня осматривал достопримечательности, затем уехал в пустыню на сером «Мерседесе».

В: А вы влезли в его квартиру.

О: Да. (правда)

В: И что удалось выяснить?

О: Он – ученый. (правда)

В: Еще?

О: Американец. (правда) Это все. (правда)

В: Кто был вашим инструктором?

О: Эртл. (промежуточные показания)

В: Но на самом деле его зовут не так.

О: Не знаю. (ложь) Нет! Не нажимайте! Сейчас вспомню, погодите... Кажется, кто-то говорил, что его зовут Мэннер. (правда)

В: А, Мэннер... Жаль. Он из старой гвардии – считает, что агенты на допросах должны держаться до последнего. Вот из-за него вы теперь и страдаете. А ваши коллеги? Кто учился вместе с вами?

О: Я не знаю их настоящие имена. (ложь)

В: Точно?

О: (кричит)

В: Фамилии.

О: Не всех...

В: Назовите тех, кого знаете.

О: (молчит)

(кричит)

Заключенный потерял сознание.

(пауза)

В: Как вас зовут?

О: М-м... Тофик. (кричит)

В: Что вы ели на завтрак?

О: Не знаю.

В: Сколько будет двадцать минус семь?

О: Двадцать семь.

В: Что вы передали Кранцу о профессоре Шульце?

О: Достопримечательности... Ливийская пустыня... слежка прервана...

В: Кто учился вместе с вами?

О: (молчит)

В: Кто учился вместе с вами?

О: (кричит)

В: Кто учился вместе с вами?

О: «Если я пойду и долиною смертной тени...»⁹

В: Кто учился вместе с вами?

О: (кричит)

Допрашиваемый скончался.

Каваш назначил встречу, и Пьер Борг отправился на нее, не раздумывая. Место и время не обсуждались: Каваш – непревзойденный двойной агент, а это дорогого стоит.

Они условились встретиться на станции Оксфорд-Сёркус линии Бейкерлоо. Дожидаясь Каваша, глава «Моссада»¹⁰ стоял в дальнем углу платформы и читал объявление о курсе лекций по теософии. Он понятия не имел, почему араб выбрал Лондон, как объяснил своим боссам необходимость поехать туда и, наконец, почему Каваш был предателем. Однако именно этот человек помог израильтянам выиграть две войны и избежать третьей, и Борг в нем нуждался.

Тем более он догадывался, о чем хочет поговорить Каваш.

Его очень беспокоило дело Шульца. Все началось со стандартной слежки – как раз то, что нужно для новенького, еще совсем «зеленого» агента: выдающийся американский физик, находясь на отдыхе в Европе, неожиданно решает отправиться в Египет. Первый тревожный звонок прозвучал, когда Тофик упустил Шульца; тогда Борг решил повысить приоритет проекта. Внештатный журналист из Милана, иногда наводивший справки для немецкой разведки, выяснил, что билет на самолет до Каира Шульцу купила жена египетского дипломата в Риме. Затем ЦРУ передало «Моссаду» спутниковые снимки района Каттары, где были замечены следы строительства. Тут Борг припомнил: именно туда направлялся Шульц, когда Тофик его потерял.

Что-то за всем этим скрывалось, и неизвестность не давала ему покоя.

Он беспокоился постоянно: не из-за египтян, так из-за сирийцев или фидаев¹¹; не из-за врагов, так из-за друзей – а вдруг предадут? Такая у него была работа – беспокойная. Мать однажды сказала ему: «Работа ни при чем; таким уж ты уродился – весь в отца. Будь ты хоть садовником, все равно переживал бы». Может, она и права... И все же паранойя – единственное разумное состояние для главы шпионской организации.

А теперь еще Тофик прервал связь – и это было самым тревожным знаком.

Оставалась надежда, что ситуацию прояснит Каваш.

На станцию с грохотом влетел поезд. Борг разглядывал афишу, на которой преобладали еврейские фамилии. Надо было стать кинопродюсером, подумал он.

Поезд отошел, и на Борга упала тень. Он поднял голову и увидел спокойное лицо Каваша.

– Спасибо, что пришел, – как всегда, сказал араб.

– Что нового?

– В пятницу пришлось взять одного из твоих ребят в Каире.

– Пришлось?!

– Военная разведка сопровождала ВИП-персону; парень висел у них на хвосте. Оперативников в городе нет, вот они и попросили мое управление снять его.

– Вот черт! – выругался Борг. – И что с ним стало?

---

⁹ «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» – цитата из Библии (псалом Давида 23:4).

¹⁰ «М о с с а д» – политическая разведка Израиля, по своему назначению и функциям сравнимая с американским ЦРУ.

¹¹ Ф и д а и, ф и д а и н ы (арабск. – «жертвующие собой») – верующие мусульмане, жертвующие своей жизнью для выполнения задания руководства общины (чаще всего – террористических актов); употребляется главным образом для обозначения палестинских террористов.

– Стандартная процедура: допросили и ликвидировали, – печально ответил Каваш. – Его звали Абрам Амбаш; рабочий псевдоним – Тофик эль-Масири.

– Он назвал тебе настоящую фамилию? – нахмурился Борг.

– Пьер, он мертв.

Борг раздраженно дернул головой: Каваш любил заострять внимание на эмоциях.

– Как же вы его раскололи?

– Мы используем русское оборудование – комбинацию электрошока с детектором лжи.

К такому вы их не готовите.

Борг усмехнулся.

– Если б мы их об этом предупреждали, кто бы к нам пошел?.. О чем еще он проговорился?

– Ничего нового. Он не успел – я вовремя заставил его умолкнуть.

– Ты?!

– Я проводил допрос – нужно было проследить, чтобы он не сказал лишнего. Теперь все записывается на пленку и протокол подшивается к делу – учимся у русских. – Карие глаза подернулись грустью. – А ты предпочел бы, чтобы кто-то другой убивал твоих ребят?

Борг пристально посмотрел на него и отвернулся. Опять сантименты!

– И что же он накопал на Шульца?

– Некий агент повез его в Ливийскую пустыню.

– Да, но зачем?

– Не знаю.

– А кто знает? Ты в разведке или где?!

Борг подавил раздражение. Ладно, пусть все идет своим чередом; если у Каваша есть информация, он ею поделится.

– Я не в курсе – для этого дела создали особую группу, – ответил Каваш. – Мое управление не проинформировали.

– И это все, что Тофик успел сделать?

В мягком голосе араба неожиданно зазвучали гневные нотки:

– Мальчик умер за тебя.

– Я благодарю его на небесах. Значит, эта смерть была напрасной?

– Вот что он забрал из квартиры Шульца. – Каваш сунул руку во внутренний карман пальто и достал маленькую квадратную коробочку из синего пластика.

Борг взял ее.

– Откуда ты знаешь, что из его квартиры?

– На ней обнаружены отпечатки Шульца. Кроме того, мы взяли Тофика сразу после того, как он залез в квартиру.

Борг открыл коробочку и достал светонепроницаемый конверт; в нем оказался фотонегатив.

– Мы проявили пленку, – сказал араб. – Пусто.

С чувством глубокого удовлетворения Борг собрал коробку и сунул ее в карман. Теперь все встало на свои места; теперь он знает, что надо делать.

Подождал поезд.

– Уже поедешь? – спросил Борг.

Каваш слегка нахмурился и кивнул. Двери открылись, и он шагнул внутрь.

– Понятия не имею, для чего эта коробочка.

«Я тебе не по душе, – подумал Борг, – но все равно ты – отличный парень». Он тонко улыбнулся в закрывающиеся двери.

– Я знаю для чего.

Глава вторая

Молодой американке нравился Нат Дикштейн.

Они мотыжили и пололи сорняки бок о бок на пыльном винограднике, обдуваемые легким бризом с Галилейского моря. Дикштейн работал в шортах и сандалиях, сняв рубашку с пренебрежением к солнцу, свойственным лишь городским жителям.

Карен тайком поглядывала на него в перерывах – что она делала частенько, хотя он почти не отдыхал. Тощий – узкие плечи, впалая грудь, узловатые локти и колени, – но крепкий: жилистые мышцы завораживающе перекатывались под смуглой кожей в шрамах. Как всякой чувственной женщине, Карен хотелось прикоснуться к этим шрамам и спросить, откуда они.

Иногда он поднимал голову, ловил ее взгляд, улыбался в ответ, ничуть не смущенный, и продолжал работу. Темные глаза скрывались под очками в дешевой круглой оправе, как у Джона Леннона – среди поколения Карен это считалось модным. Темными были и волосы, слишком короткие на ее вкус. Угловатая улыбка делала его моложе, однако лагерная татуировка на запястье говорила о том, что ему никак не меньше сорока.

Нат прибыл в кибуц¹² летом 1967 года, вскоре после Карен. Она приехала сюда, прихватив дезодоранты и противозачаточные таблетки, в поисках места, где можно жить по заветам хиппи и при этом не «балдеть» круглыми сутками. Его привезли на «Скорой». Она предположила, что его ранили на Шестидневной войне¹³; соседи по кибуцу не отрицали такой возможности.

Карен приняли дружелюбно, но настороженно; Ната Дикштейна встретили, как долгожданного блудного сына. Все столпились вокруг него, хлопоча, кормили супом и утирали слезы при виде его ран.

Если Дикштейн был их сыном, то Эстер, старейший член кибуца – матерью. Карен как-то заметила: «Она похожа на мать Голды Меир»¹⁴, на что кто-то ответил: «Скорее уж на отца», и все засмеялись. Эстер расхаживала по деревне, опираясь на палку, и раздавала непрошенные советы, большей частью весьма мудрые. Она стояла на страже возле комнаты больного Дикштейна, отгоняя шумную детвору, размахивала палкой и обещала задать всем взбучку, хотя никто ее не боялся. Раненый оправился довольно быстро. Через несколько дней он уже сидел во дворе, чистил овощи для кухни и травил пошлые байки ребятам постарше. Две недели спустя Дикштейн вовсю работал на поле, уступая в сноровке лишь самым молодым.

Его прошлое было туманным, хотя Эстер однажды рассказала Карен историю его прибытия в Израиль в 1948-м, во время войны за независимость.

Для Эстер сорок восьмой год был чуть ли не вчера. В двадцатых годах, до эмиграции в Палестину, она жила в Лондоне и активно участвовала в нескольких леворадикальных течениях, от суффражизма до пацифизма, но память ее уходила еще глубже, в смутные ночные кошмары русских погромов. Она сидела под смоковницей, покрывая лаком стул, сделанный ее же заскорузлыми руками, и неторопливо рассказывала; Дикштейн в ее интерпретации походил намышленного проказливого мальчишку.

– Ну вот, собралась компания – человек восемь или девять; кто из университета, кто – простые работяги с Ист-Энда. Денег ни у кого не оказалось, иначе они бы все прогуляли, не доезжая до Франции. До Парижа добрались на попутках, там вскочили на товарняк до Мар-

---

¹² К и б у ц – сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

¹³ Шестидневная война – война на Ближнем Востоке между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года.

¹⁴ Премьер-министр Израиля с 1969 по 1974 год.

селя. Оттуда чуть ли не большую часть пути до Италии прошли пешком, потом украли немецкую штабную машину, «Мерседес», и доехали до самого мыска «сапога». – Лицо Эстер лучилось улыбкой, и Карен подумала, что та была бы не прочь поучаствовать в приключениях. – Нат уже бывал в Сицилии и вроде как знал с мафией. С войны у них осталась куча оружия, которое пригодилось бы Израилю – но откуда взять деньги? Так он что сделал: уговорил сицилийцев продать арабам целое судно, груженное автоматами, и сообщить евреям место погрузки. Те сразу смекнули, в чем дело, и поддержали идею! Сделка состоялась, сицилийцы получили денежки, а Нат с друзьями выкрал судно вместе с грузом и уплыл на нем в Израиль!

Карен громко рассмеялась; пасущаяся рядом коза неодобрительно покосилась на нее.

– Погоди, это еще не все, – продолжила Эстер. – Кто-то из мальчиков-студентов занимался греблей, один из рабочих оказался докером – но на этом их знания о морских путешествиях и заканчивались. И вот плывут они на судне водоизмещением в пять тысяч тонн бог знает куда... Ладно, надо как-то осваивать навигацию. Начали с азов: у судна есть карты и компас. Нат вычитал в книжке, как завестись, но не нашел, как остановиться. Так они на всех парах ворвались в Хайфу, словно банда шалопаев; кричали, махали, бросали кепки в воздух – и врезались прямо в причал! Конечно, их тут же простили – оружие было буквально на вес золота. С тех пор его и прозвали Пиратом.

Сейчас, в мешковатых шортах и простеньких очках, он мало похож на пирата, подумала Карен, и все же хорош собой. Как бы его соблазнить? Она явно ему нравится и не раз давала понять, что не против; однако он не спешил этим воспользоваться. Может, она для него слишком молода и невинна? Или он вообще не интересуется женщинами...

Его голос внезапно прервал поток мыслей:

– Пожалуй, на сегодня хватит.

Она взглянула на солнце – да, пора домой.

– Ты сделал вдвое больше меня!

– Сила привычки. Я ведь здесь уже лет двадцать с перерывами – тело помнит нагрузку.

Они возвращались в деревню; небо над ними играло пурпурно-желтыми красками.

– А чем ты занимаешься в перерывах?

– Да так, по мелочи... Отравляю колодцы, похищаю христианских младенцев.

Карен засмеялась.

– Ну и как тебе тут по сравнению с Калифорнией?

– Здесь чудесно, – ответила она. – Хотя до настоящего равноправия женщин еще далеко; предстоит немало работы.

– Об этом сейчас много говорят.

– Ты-то больше помалкиваешь.

– Знаешь, по-моему, лучше самим отвоевать свободу, чем получить ее на блюде.

– Звучит как оправдание, чтобы ничего не делать, – заметила Карен.

Дикштейн рассмеялся.

– Я собираюсь почитать Мотти.

– А можно мне с тобой?

– Почему бы нет. – Он взглянул на часы. – У нас как раз есть время ополоснуться. Приходи через пять минут.

Они разошлись, и Карен отправилась в душевые. Кибуц – лучшее место для сироты, подумала она, снимая одежду. Оба родителя Мотти погибли – отец подорвался в атаке на Голанских высотах в последней войне, а мать убили годом раньше в перестрелке с фидаями; оба были близкими друзьями Дикштейна. Конечно, для ребенка это трагедия, но все-таки он спит в той же постели, ест за тем же столом, и главное, вокруг сотня любящих взрослых, готовых о нем заботиться. Мальчика не скинули на стареющую бабушку, или равнодушную тетку, или, что хуже всего, в приют. А еще у него есть Нат.

Смыв пыль, Карен переоделась в чистое и пошла в комнату Дикштейна. Мотти уже сидел у него на коленях, посасывая палец и слушая «Остров сокровищ» на иврите. Прежде Карен ни разу не слышала, чтобы на иврите разговаривали с акцентом кокни. Сейчас его речь звучала еще более странно, поскольку Нат читал за разных персонажей: то высоким голосом за Джима, то утробным рыком за Джона Сильвера, то полупшепотом за Бена Ганна. Карен наблюдала за ними в желтом свете электрической лампы: Дикштейн больше смахивал на мальчишку, а Мотти – на взрослого.

Закончив главу, они проводили Мотти в спальню, поцеловали на ночь и перешли в столовую. «Если мы и дальше будем повсюду ходить вместе, люди решат, что мы уже любовники», – подумала Карен.

После ужина Эстер рассказала анекдот, блестя глазами, словно молодая девушка.

– Когда я впервые приехала в Иерусалим, в ходу была поговорка: если у тебя есть пуховая подушка, можно купить дом.

Дикштейн с готовностью проглотил наживку.

– Как так?

– Смотри: за хорошую подушку можно выручить фунт. С этими деньгами ты вступаешь в кредитный кооператив и берешь займы десять фунтов. Дальше находишь небольшой клочок земли. Хозяин участка примет твои десять фунтов в качестве задатка, а на остальное выпишет вексель – вот ты уже и землевладелец! Теперь идешь к застройщику и говоришь: «Постройте дом на моем участке. Мне ничего не надо – только выделите скромную квартирку для моей семьи».

Все рассмеялись, и вдруг Нат обернулся. Карен проследила за ним взглядом: в дверях стоял незнакомый коренастый мужчина лет сорока с мясистым грубым лицом. Нат встал и подошел к нему.

– Не забивай себе голову, деточка, – тихо сказала Эстер. – Он никогда не женится.

Карен взглянула на нее и вновь обернулась к двери, но там уже никого не было. Несколько мгновений спустя послышался звук отъезжающей машины. Эстер положила большую, грубую ладонь на нежную руку девушки и сжала.

Свет фар черного «Ситроена» рассекал непроглядную темноту. На заднем сиденье устроились Нат Дикштейн и Пьер Борг. Телохранитель Борга вел машину; рядом с ним лежал пистолет.

Дикштейну никогда не удавалось увидеть себя со стороны, таким, каким его видели другие: компетентным, даже блестящим агентом, способным выжить в любой ситуации. Позднее, когда ему придется напрячь все силы, лавируя в лабиринте ситуаций и сражаясь с людьми и обстоятельствами, для страха не останется места; но сейчас, когда Борг еще только собирался ввести его в курс дела, не было ни планов, ни прогнозов, ни данных для анализа. Он понимал лишь одно: придется забыть о покое, о солнце, о простой работе на свежем воздухе; его ожидали страшный риск, реальная опасность, боль, кровавая резня и, возможно, даже смерть. Нат сидел нахохлившись в углу машины, плотно скрестив руки на груди, поглядывая на тускло освещенное лицо Борга и ощущая отвратительную пустоту в желудке от страха перед неизвестностью.

В слабом, неверном свете Борг походил на великана из сказки. У него были грубые черты лица: толстые губы, широкие скулы и глаза навывкате под густыми нависшими бровями. Еще в детстве его считали уродливым – таким он и вырос. Когда Борг нервничал, как сейчас, то постоянно трогал себя за лицо: прикрывал рот, потирал нос, почесывал лоб в бессознательной попытке скрыть свою неприглядность. Как-то в расслабленной обстановке Дикштейн спросил его:

– Почему ты вечно на всех орешь?

– Потому что рожи у них больно смазливые, – ответил Борг.

Они всегда затруднялись в выборе языка общения. Борг был франкоканадцем и на иврите не говорил. Дикштейн отлично знал иврит, но по-французски объяснялся весьма посредственно. Как правило, останавливались на английском.

Дикштейн работал на Борга уже десять лет, но до сих пор относился к нему неприязненно. Он понимал его тревожную натуру и уважал за профессионализм и маниакальную преданность израильской разведке, но, с точки зрения Дикштейна, для нормальных человеческих отношений требовалось нечто большее. У Борга всегда находились веские причины лгать ему, однако от этого ложь не становилась менее противной.

Дикштейн отыгрывался той же монетой: не говорил, куда направляется, или врал; будучи на задании, никогда не выходил на связь по расписанию – просто звонил или посылал сообщения с безапелляционными требованиями. Иногда он даже скрывал от Борга часть плана или весь план действий, что лишало последнего возможности вмешиваться и навязывать свои схемы. Кроме того, так безопаснее – Борг мог посчитать необходимым передать какую-то информацию политикам, а от тех она просочилась бы к противнику. Дикштейн знал, что он в выигрышном положении – Борг был обязан ему своей успешной карьерой, – и выжимал из этого максимум возможностей.

«Ситроен» с рычанием пронесся через опустевший арабский город Назарет – видимо, наступил комендантский час – и вновь нырнул в темноту, устремляясь в сторону Тель-Авива. Борг закурил тонкую сигару и начал разговор:

– После Шестидневной войны один из умников в Министерстве обороны написал доклад под названием «Неизбежный крах Израиля». Аргументы его были таковы: во время войны за независимость Израиль покупал оружие у Чехословакии. Когда страны соцлагеря перешли на сторону арабов, мы обратились к Франции, а позже – к Западной Германии. Как только арабы прослышали об этом, немцы отменили все сделки. Франция наложила эмбарго после Шестидневной войны. Штаты и Великобритания упорно отказываются снабжать нас оружием. Таким образом, наши источники отпадают один за другим.

Предположим, нам удастся восполнить потери, если мы найдем новых поставщиков и создадим свою военную промышленность; но даже тогда Израиль останется позади в гонке вооружений на Ближнем Востоке. Нефтедобывающие страны всегда будут богаче нас. Наши расходы на оборону уже и так давят на госбюджет тяжким грузом, тогда как врагам некуда девать свои миллиарды. У них десять тысяч танков – значит, нам понадобится шесть тысяч; у них двадцать тысяч – нам нужно двенадцать, и так далее. Всего лишь удваивая затраты на вооружение каждый год, они развоят нашу экономику, не сделав ни единого выстрела.

Наконец, в новейшей истории Ближнего Востока прослеживается некий алгоритм краткосрочных войн, повторяющихся раз в десятилетие. Логика данного алгоритма работает против нас. Арабы могут позволить себе проигрывать время от времени, мы – нет: наше первое поражение будет и последним.

Вывод: для того чтобы выжить, нам необходимо вырваться из замкнутого круга, в который нас загнал противник.

Дикштейн кивнул.

– Эта мысль не нова. Стандартный аргумент для лозунга «Мир любой ценой». Наверняка того умника уволили из министерства.

– Ошибаешься – и в том, и в другом. Вот что он говорит дальше: «В следующий раз, когда на нас нападут арабы, мы должны нанести – или иметь возможность нанести – в ответ сокрушительный удар. Нам необходимо ядерное оружие».

Дикштейн замер на секунду, затем протяжно присвистнул. Будучи озвученной, невероятная прежде мысль казалась теперь совершенно очевидной. Да ведь это разом все изменит!

Он помолчал, переваривая информацию; в мозгу роились десятки вопросов. Помогут ли американцы? Одобрит ли правительство? Не ответят ли арабы тем же?

– Значит, умник из министерства, говоришь? Наверняка Моше Даян¹⁵.

– Без комментариев, – ответил Борг.

– И что, кабинет министров одобрил?

– Поначалу устроили долгие прения. Кое-кто из представителей старшего поколения возражал: мол, не для того они жизнь положили, чтобы потом сидеть и смотреть, как Ближний Восток сотрут с лица Земли в ядерной катастрофе. А оппозиция привела такой аргумент: если мы раздобудем бомбу, арабы тоже подсуеются, и баланс сил останется прежним. Как выяснилось, они ошибались.

Борг сунул руку в карман, достал маленькую пластиковую коробочку и передал Дикштейну. Тот включил боковой свет и принялся ее рассматривать. Она была синего цвета, плоская и умещалась на ладони; внутри лежал конверт из плотной светонепроницаемой бумаги.

– Что это?

– В феврале в Каир прибыл некий Фридрих Шульц, физик. По национальности – австриец, работает в Штатах. Судя по всему, отдыхал в Европе; его билет в Каир оплачен египетским правительством.

Я назначил слежку, но он ускользнул от нашего мальчика и на двое суток исчез в Ливийской пустыне. Судя по спутниковым снимкам из ЦРУ, в том районе разворачивается какое-то масштабное строительство. Когда Шульц вернулся, у него в кармане обнаружили вот такую штуку. Это индивидуальный дозиметр; в конверте – кусок обычной фотопленки. Его можно положить в карман, прикрепить к отвороту пиджака или на пояс. Если ты подвергся облучению, при проявке пленка будет частично засвечена. Такие дозиметры носят все, кто работает на атомной станции или посещает ее.

Дикштейн выключил свет и отдал контейнер.

– Иными словами, арабы уже делают атомные бомбы, – тихо сказал он.

– Вот именно! – Борг зачем-то повысил голос.

– Значит, правительство дало добро на изготовление собственной бомбы?

– В принципе да.

– То есть?

– Имеются некоторые сложности практического характера. Сам «часовой механизм», так сказать, довольно прост. Любой, кто может смастерить обычную бомбу, справится и с атомной. Проблема в том, чтобы достать взрывчатое вещество – плутоний. Его можно получить из атомного реактора как побочный продукт выработки. Реактор у нас есть в Димоне, в пустыне Негев. Ты в курсе?

– Да.

– В нашей стране это, похоже, секрет Полишинеля. Однако для извлечения плутония из отработанного топлива необходимо соответствующее оборудование. Мы могли бы построить перерабатывающий завод, но у нас нет своего урана, чтобы прогнать через реактор.

– Погоди-ка, – нахмурился Дикштейн. – Разве мы не используем уран для обычной работы реактора?

– Нам поставляют его из Франции – при условии, что мы возвращаем использованное топливо обратно на переработку, а плутоний они извлекают сами.

– Другие поставщики?

– Навяжут те же условия – это часть договора о нераспространении ядерного оружия.

– Но ведь рабочие на реакторе могут оставить немного отработанного топлива себе – так, чтобы никто не заметил.

---

¹⁵ Моше Даян – израильский военный и государственный деятель. С 1967 по 1974 год – министр обороны Израиля.

– Не могут. Исходя из объема поставляемого урана рассчитывается точное количество плутония на выходе; учитывают все тщательно, поскольку вещество очень дорогое.

– Значит, проблема в том, как раздобыть уран?

– Ага.

– И решение?..

– Ты его украдешь.

Дикштейн посмотрел в окно. Взошла луна и осветила стадо овец, сгрудившееся в углу поля; за ними, опираясь на посох, присматривал пастух-араб – готовый библейский сюжет. Значит, вот оно что: нужно украсть уран для Земли Обетованной. В прошлый раз это было убийство лидера террористов в Дамаске; до того – шантаж богатого араба в Монте-Карло, финансировавшего фидаяев.

Пока Борг говорил о политике и ядерных реакторах, Дикштейн слушал с интересом, забыв о себе. Теперь же он вспомнил, что все это касается его напрямую. Вновь нахлынули тошнотворный страх и воспоминания. После смерти отца семья отчаянно бедствовала; когда приходили кредиторы, Ната посылала отвечать: «Мамы нет дома». Те знали, что это ложь, и он это понимал; они смотрели на мальчика со смешанным чувством жалости и презрения, пронзавшим его насквозь.

Он никогда не забудет то ощущение невыносимого унижения... И вот оно вернулось, запульсировало, словно маяк из подсознания: «Натаниэль, пойди-ка укради немножко урана для своей родины».

Матери он всегда отвечал: «Ну почему я должен?»

И сейчас он спросил Борга:

– Если мы все равно собираемся красть, почему бы тогда просто не купить уран, а потом отказаться вернуть на переработку?

– Потому что так все узнают о нашей затее.

– И?

– Экстракция займет несколько месяцев. За это время могут случиться две вещи: во-первых, египтяне ускорят свою программу, во-вторых, на нас надавят американцы и заставят отказаться от идеи атомного оружия.

– А... – Это ухудшало положение. – Значит, украсть надо так, чтобы никто на нас не подумал.

– Даже больше того. – Голос Борга был резким и хриплым. – Никто не должен догадаться, что это кража. Все должно выглядеть как недоразумение. Владельцы и прочие международные организации будут настолько обескуражены пропажей, что сочтут нужным ее замять. А когда обнаружат правду, будет поздно – они сами себя скомпрометируют замалчиванием.

– Рано или поздно все откроется.

– Но сперва мы получим бомбу.

Они ехали вдоль побережья; справа в лунном свете поблескивало Средиземное море. Дикштейн заговорил и с удивлением отметил нотки усталой покорности в своем голосе:

– О каком объеме идет речь?

– На двенадцать бомб понадобится около сотни тонн желтого кека – урановой руды.

– Значит, незаметно положить в карман не удастся. – Дикштейн нахмурился. – И сколько она стоит?

– Около миллиона долларов.

– Думаешь, они вот так просто возьмут и замнут скандал?

– Если все сделать по уму.

– Но как?

– А это уже твоя работа, Пират.

– Боюсь, задача невыполнима.

– А надо выполнить. Я уже сказал премьер-министру, что мы справимся. Нат, моя карьера висит на волоске.

– Да пошел ты к черту со своей карьерой!

Борг нервно закурил еще одну сигару. Дикштейн приоткрыл окно, чтобы проветрить. Внезапная вспышка злости не имела отношения к неуклюжей попытке Борга воззвать к его чувствам – Пьер никогда не отличался способностью к эмпатии. На самом деле из колеи его выбили неожиданно возникшие в голове картины ядерных облаков над Иерусалимом и Каиром; хлопковые поля у берегов Нила и виноградники возле Галилейского моря, выжженные радиоактивными осадками; весь Ближний Восток, превращенный в мертвую пустыню; поколения генетических уродов...

– И все же мирное урегулирование было бы лучшим выходом.

Борг пожал плечами.

– Вот уж не знаю. Я в политику не лезу.

– Ага, конечно!

– Слушай, раз у них уже есть бомба, что нам остается? – вздохнул Борг.

– Если б все было так просто, мы бы созвали пресс-конференцию, объявили, что египтяне изготавливают бомбу, – и пусть мировое сообщество их останавливает. Мне кажется, наши в любом случае хотят ее заполучить, а все остальное – лишь повод.

– А если они правы? Сколько можно воевать? Однажды мы проиграем.

– Надо заключить мир.

Борг фыркнул.

– Ты такой наивный, это что-то!

– Мы могли бы в чем-то уступить: оккупированные территории, Закон о возвращении¹⁶, равные права для арабов в Израиле...

– У арабов и так равные права.

Дикштейн невесело усмехнулся.

– Ты такой наивный, это что-то!

– Послушай! – Усилием воли Борг взял себя в руки. Дикштейн понимал его чувства, разделяемые многими израильтянами: они считали, что, если подобные либеральные идеи распространятся в обществе, это будет начало конца – уступка последует за уступкой, пока всю землю не подадут арабам на тарелочке; такая перспектива больно била по национальному самосознанию. – Послушай, – повторил он. – Может, нам и стоило бы продать право первородства за чечевичную похлебку, но в реальности граждане нашей страны не станут голосовать за «мир любой ценой». Да ты и сам в глубине души понимаешь, что арабам мир тоже не особо нужен. Нам все равно придется с ними воевать; а раз так, то мы должны победить – а для этого нам нужен уран.

– Вот что меня в тебе особенно бесит – ты почти всегда прав, – сказал Дикштейн.

Борг опустил стекло и выбросил окурок, рассыпавший искры, словно маленькая шутиха. Впереди виднелись огни Тель-Авива: они почти приехали.

– Знаешь, обычно мне не приходится спорить с агентами о политике, – сказал Борг. – Они просто выполняют приказы, как и подобает.

– Не верю, – ответил Дикштейн. – Мы нация идеалистов.

– Возможно.

– Был у меня один знакомый, звали его Вольфганг. Он тоже любил повторять: «Я всего лишь выполняю приказ», а потом ломал мне ногу.

– Да, ты рассказывал.

---

¹⁶ Закон о возвращении – закон, провозглашающий право каждого еврея репатрироваться в Израиль; принят Кнессетом в 1950 году. Как следствие, палестинские беженцы не имели права на возвращение.

Когда предприятие нанимает бухгалтера, тот первым делом говорит, что у него слишком много работы по распределению финансовых ресурсов компании, а для ведения учета нужно нанять младшего бухгалтера. Нечто подобное происходит и у тайных агентов. Государство создает службу разведки с целью выяснить, сколько танков у соседа и где он их прячет; но не успеете вы произнести «МИ-5», как они заявят, что слишком заняты слежкой за подрывными элементами на родине, поэтому для нужд военной разведки требуется отдельное подразделение.

Так было и в Египте в 1955 году. Недавно созданную спецслужбу разделили на два управления: военная разведка занималась подсчетом израильских танков, а Департамент общих расследований снимал все сливки.

Во главе обоих подразделений стоял руководитель службы общей разведки – видимо, чтобы еще больше все запутать; формально он подчинялся непосредственно министру внутренних дел. Однако контролировать разведку непременно пытается и глава государства. На то есть две причины. Во-первых, агенты постоянно разрабатывают совершенно безумные проекты убийств, шантажа или захвата территории; если их воплотить в жизнь, может выйти ужасный скандал, так что президенты и премьер-министры считают необходимым лично присматривать за этими инстанциями. Во-вторых, служба разведки – источник власти, особенно в странах с нестабильной обстановкой, а глава государства всегда стремится прибрать эту власть к рукам.

Таким образом, на практике руководитель службы общей разведки в Каире подчинялся либо президенту, либо его доверенному лицу.

Каваш – тот самый араб, который допрашивал Тофика и передал дозиметр Пьеру Боргу, – работал в Департаменте общих расследований, более светской части системы. Он был человеком умным и целостным, но при этом глубоко религиозным. Его крепкая вера, доходящая порой до мистицизма, порождала самые невероятные убеждения. Он принадлежал к той ветви христианства, которая считала, что возвращение евреев в Землю Обетованную предписано Библией и является предвестием конца света. Следовательно, препятствовать возвращению значило совершить грех, а способствовать – богоугодное дело. Именно поэтому Каваш стал двойным агентом.

Работа заменяла ему все. Следуя своей вере, Кавашу мало-помалу пришлось свести на нет общение с друзьями, соседями и даже – за некоторым исключением – с семьей. Из личных амбиций осталось лишь желание попасть в рай после смерти. Он вел аскетический образ жизни; единственным земным удовольствием для него стало интеллектуальное превосходство над противником. Каваш во многом походил на Пьера Борга, кроме одного: он был счастливым человеком.

Однако сейчас его тоже беспокоило дело профессора Шульца: пока что в этой игре он терял очки. Проблема заключалась в том, что проект «Каттара» вел Департамент военной разведки. Наконец, после длительного поста и медитации, бессонной ночью Каваш разработал план внедрения.

В Главном управлении разведслужбы, координировавшем оба департамента, работал его троюродный брат Ассам. Каваш был младше его, но отличался куда большей хитростью и сообразительностью.

Жарким днем братья сидели в задней комнате маленькой грязной кофейни на улице Шерифа Паши, пили тепловатый лаймовый кордиал и отгоняли мух, выпуская клубы табачного дыма. Они походили на друг друга – в одинаковых легких костюмах, с тонкими усиками а-ля Насер¹⁷. С помощью Ассама Каваш намеревался разузнать о Каттаре; для этого он продумал убедительную стратегию поведения, на которую тот должен купиться. Однако дело следо-

¹⁷ Г а м а л ь А б д е л ь Н а с е р – второй президент Египта (1954–1970).

вало вести очень тонко и деликатно. Внешне Каваш сохранял обычное хладнокровие, ничем не выдавая внутреннего волнения.

Для начала он выбрал тактику прямолинейности:

– Брат мой, ты знаешь, что происходит в Каттаре?

Красивое лицо Ассама приняло скрытое выражение.

– Если ты не в курсе, я ничем не могу помочь.

Каваш покачал головой.

– Никто и не требует от тебя раскрытия секретов; к тому же я и сам догадываюсь, о чем речь, – солгал он. – Проблема в другом: мне не нравится, что дело ведет Мараджи.

– Почему?

– Я беспокоюсь о твоей карьере.

– Мне нечего волноваться...

– А стоило бы. Имей в виду – Мараджи метит на твое место.

Хозяин кофейни принес блюдо олив и две питы. Каваш молча наблюдал за выражением лица Ассама: от природы закомплексованный, тот явно заглотив наживку.

– Я так понимаю, Мараджи отчитывается непосредственно перед министром?

– У меня есть доступ ко всем документам, – возразил Ассам, оправдываясь.

– Ну, мало ли что он там может шепнуть на личной аудиенции. Сейчас у него очень сильная позиция.

Ассам нахмурился.

– А ты-то откуда узнал об этом деле?

Каваш прислонился к прохладной бетонной стене.

– Один из людей Мараджи сопровождал кое-кого в Каире и засек «хвоста»: им оказался израильский агент по кличке Тофик. У Мараджи в городе нет своих людей, поэтому запрос телохранителя передали мне.

Ассам презрительно фыркнул.

– Мало того, что допустил за собой слежку, так еще и обратился не по адресу. Ну куда это годится!

– Все можно исправить, брат мой.

– Продолжай, – сказал Ассам, почесывая нос рукой, унизанной перстнями.

– Расскажи своему руководству о Тофике. Объясни, что Мараджи, при всех его несомненных талантах, не умеет подбирать людей, поскольку молод и неопытен – по сравнению с тобой, например. Настаивай на том, чтобы тебя назначили ответственным за кадры на проекте «Каттара», и посади туда своего человека.

Ассам кивнул.

– Понимаю.

Каваш почувствовал вкус успеха. Он наклонился ближе и понизил голос:

– Руководство будет тебе признательно за выявление слабого места в деле повышенной секретности, а ты будешь в курсе всего, чем занимается Мараджи.

– Отличный план; сегодня же поговорю с начальником, – сказал Ассам. – Спасибо тебе, брат.

Оставалось добавить еще одну вещь – самую главную, но нужно выбрать правильный момент. Пожалуй, стоит выждать пару минут. Каваш поднялся и сказал:

– Ты всегда был моим покровителем!

Рука об руку они вышли в зной городских улиц.

– Сразу же займись поиском нужного человека, – сказал Ассам.

– Ах да, кстати, – протянул Каваш, будто бы внезапно вспомнив незначительную деталь. – У меня есть на примете идеальный кандидат: умный, находчивый, осмотрительный – племянник моей покойной жены.

Ассам подозрительно прищурился.

– Значит, он будет обо всем докладывать тебе?

Каваш сделал оскорбленное лицо.

– Нет, ну если я прошу слишком многого... – Он поднял руки, словно сдаваясь.

– Ладно, – уступил Ассам. – Мы ведь всегда помогали друг другу.

Они дошли до угла; здесь их пути расходились.

Каваш с трудом сдерживал ликование.

– Я пошлю его к тебе; вот увидишь, он надежен.

– Быть по сему, – ответил Ассам.

Пьер Борг познакомился с Дикштейном лет двадцать назад. Тогда, в 1948-м, он посчитал, что парень не годится для этой работы, несмотря на выходку с краденым оружием. Тощий, бледный, нескладный, Нат не внушал доверия. Однако приказ спустили сверху, и Боргу пришлось дать ему шанс. Довольно быстро он понял, что мальчик хоть и невзрачен на вид, зато умен как черт. К тому же Дикштейн обладал странной притягательной силой. Кое-кто из женщин в «Моссаде» сходил от него с ума, чего другие – включая Борга – никак не могли понять. Впрочем, сам Дикштейн не вызывал интереса ни в ту, ни в другую сторону; в его досье значилось: «Личная жизнь отсутствует».

С годами он набрался опыта и уверенности в себе; теперь Борг полагался на него больше, чем на любого другого агента. Будь Дикштейн амбициознее, он легко мог бы занять место своего начальника.

И тем не менее Борг не представлял себе, как Дикштейн выполнит задание. Решение, принятое политиками в ходе дебатов, было очередным идиотским компромиссом, от которых страдают рядовые госслужащие: они согласились на кражу урана только при условии, что об этом никто не узнает, по крайней мере в ближайшие годы. Борг возражал: он стоял за отчаянное, лихое пиратство – и к черту последствия! Большинство в кабинете высказалось за более благоразумный вариант, но претворять его в жизнь пришлось людям Борга.

Среди агентов «Моссада» нашлись бы и другие кандидатуры, способные выполнить задание по заготовленной схеме; например, Майк, глава отдела спецопераций, или даже сам Борг. Однако никому из них, кроме Дикштейна, Борг не мог бы сказать прямо: «Вот тебе задача – иди и реши ее».

Они провели день на конспиративной квартире в Рамат-Гане, неподалеку от Тель-Авива. Проверенные сотрудники «Моссада» варили кофе, подавали еду и патрулировали сад. Утром Дикштейн встретился с молодым длинноволосым учителем физики из института Вейцмана в Реховоте. Тот коротко и доступно рассказал ему о химических свойствах урана, о природе радиоактивности и о принципах работы ядерного реактора. После обеда Дикштейн пообщался с сотрудником реактора в Димоне и узнал от него об урановых рудниках, обоганительных установках, производстве, хранении и транспортировке топливных материалов; о технике безопасности и международных нормах; и, наконец, о МАГАТЭ¹⁸, Евратоме¹⁹, Комиссии по атомной энергии США и Управлении по атомной энергетике Великобритании.

Вечером Борг и Дикштейн ужинали вместе. Борг, как обычно, делал вид, что сидит на диете: отказался от хлеба, зато выпил почти всю бутылку израильского красного вина. В качестве оправдания он убедил себя в необходимости успокоить нервы и скрыть волнение от Дикштейна.

После обеда Борг дал ему три ключа.

---

¹⁸ МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии.

¹⁹ Евратом – Европейское сообщество по атомной энергии.

– Для тебя подготовлены запасные документы в Лондоне, Брюсселе и Цюрихе. Паспорта, водительские права, оружие и наличные хранятся в банковских ячейках. Если понадобится сменить личность, старые документы оставишь в ячейке.

Дикштейн кивнул.

– Кому докладывать – тебе или Майку?

«Как будто ты хоть раз докладывал, паршивец», – подумал Борг.

– Мне, пожалуйста, – ответил он. – При любой возможности сразу звони, используй шифр. Если до меня не дозвонишься, свяжись с любым посольством и передай сообщение через них – я попытаюсь до тебя добраться. В самом крайнем случае шли шифровки с дипломатической почтой.

Дикштейн безучастно кивнул: это были стандартные процедуры. Борг посмотрел на него пристально, пытаясь проследить за ходом его мыслей. Что он сейчас чувствует? Уже придумал, как все проверить? А может, попытается ради проформы, а потом заявит: мол, нет никакой возможности? И верит ли он в то, что бомба действительно нужна Израилю?

– Я так понимаю, есть какие-то сроки? – уточнил Дикштейн.

– Да, но нам они неизвестны. – Борг принялся выковыривать лук из остатков салата. – Надо опередить египтян; значит, уран должен попасть к нам на переработку до того, как они запустят свой реактор. Ну а дальше все будет зависеть только от химических реакций – ни одна сторона не сможет ускорить субатомные частицы. Кто первый начал, тот первый и придет к финишу.

– Необходим агент в Каттаре, – сказал Дикштейн.

– Я работаю над этим.

– И надежный человек в Каире.

– Ты что, пытаешься выкачать из меня информацию? – сердито спросил Борг; он вовсе не об этом хотел поговорить.

– Просто думаю вслух.

Воцарилось молчание. Борг разминал вилкой лук. Наконец он сказал:

– Я поставил перед тобой задачу, но все решения принимаешь ты сам.

– Да уж... – Дикштейн поднялся. – Пожалуй, пойду лягу.

– Ты уже придумал, с чего начнешь?

– Да, – ответил Дикштейн. – Спокойной ночи.

Глава третья

Нат Дикштейн так и не смог привыкнуть к жизни тайного агента. Больше всего угнетала постоянная необходимость лгать, скрываться, носить маску, тайком красться за людьми, предъявлять фальшивые документы. Он вечно опасался, что его раскроют. Даже посреди бела дня Нату грезилась жуткие кошмары: с криком «Попался, шпион!» полицейские волокли его в тюрьму и там ломали ему ногу.

Вот и теперь на душе было беспокойно. Дикштейн сидел у входа в Управление по ядерным гарантиям Евратома в Люксембурге, запоминая лица сотрудников, спешащих на работу. Ему предстояла встреча с пресс-секретарем организации Пфаффером, но он нарочно пришел пораньше с целью высмотреть слабое звено. Недостаток этого плана заключался в том, что персонал тоже мог запомнить его в лицо, однако времени для таких тонкостей уже не оставалось.

Пфаффер оказался неопрятным молодым человеком с потрепанным портфелем коричневой кожи. Он проводил Дикштейна в такой же неопрятный кабинет и предложил кофе. Разговор велся на французском: Дикштейн аккредитовался в парижском филиале малоизвестного журнала «Сайенс интернешнл». Пфафферу он по секрету признался, что хочет получить работу в «Сайентифик американ».

– О чем конкретно вы пишете в данный момент? – спросил Пфаффер.

– Статья называется «Пропавший без вести». Дело в том, что в Штатах постоянно пропадает радиоактивное топливо. Говорят, будто здесь, в Европе, разработана международная система контроля за перемещением подобных веществ.

– Верно, – ответил Пфаффер. – Страны-участницы передают Евратому контроль над расщепляемым материалом. У нас есть полный список всех гражданских предприятий, в которых хранится сырье – начиная от рудников, обогатительных фабрик, заводов по производству топлива, складов, ядерных реакторов и заканчивая перерабатывающими заводами.

– Гражданских?

– Военные находятся вне нашей сферы влияния.

– Продолжайте, пожалуйста. – Дикштейн облегченно вздохнул про себя: Пфаффер разговаривал раньше, чем осознал полную неосведомленность собеседника в данных вопросах.

– Возьмем, например, завод, изготавливающий топливные блоки из обычного желтого кека. Поступающее к ним сырье взвешивают и проверяют инспекторы из Евратома. Полученные данные вносят в компьютер и сверяют с информацией, указанной в пункте отправки – в нашем случае это урановый рудник. Если по факту обнаружится разница, мы сразу же узнаем.

Перед отгрузкой с завода также производят количественные и качественные замеры топлива. В свою очередь, эти цифры будут сверять с данными, зафиксированными на АЭС, использующей топливо. Кроме того, ведется строгий учет всех отходов; процесс контроля и двойной проверки распространяется и на их ликвидацию. И наконец, минимум дважды в год на заводах производится инвентаризация.

– Понятно. – Дикштейн был одновременно впечатлен и обескуражен. Конечно, Пфаффер преувеличил безупречность работы системы, но даже если они выполняют хотя бы половину всех этих проверок, то незаметно похитить сотню тонн руды не удастся никак – недостача сразу отобразится в компьютере.

Для поддержания разговора он спросил:

– Значит, с помощью вашего компьютера можно в любой момент отследить местонахождение каждой урановой пылинки в Европе?

– В пределах стран-участниц – Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. И не только урана – всех радиоактивных материалов.

– А детали перевозки?

– Все должно быть согласовано с нами.

Дикштейн закрыл блокнот.

– Что ж, по-моему, достаточно надежно. А можно увидеть систему в действии?

– Это уже не к нам. Вам нужно обратиться в управление по атомной энергетике любой страны и подать запрос на посещение. На некоторых объектах проводятся экскурсии.

– А вы не могли бы дать мне список телефонов?

– Конечно. – Пфаффер встал и открыл шкаф с документами.

Итак, Дикштейн разрешил одну проблему, чтобы тут же столкнуться с другой. Требовалось выяснить, где хранится информация о запасах радиоактивных материалов. Ответ был найден: в компьютерной базе данных Евратома. Однако все эти запасы подвергались жесткому мониторингу, поэтому кража представлялась практически невозможной. Сидя в захлапленном кабинетике и наблюдая за тем, как чопорный господин Пфаффер роется в старых пресс-релизах, Дикштейн подумал: «Если б ты только знал, что у меня на уме, тебя бы удар хватил, бюрократишка». Он подавил ухмылку и немного воспрял духом.

Пфаффер протянул ему копию рукописного листа. Дикштейн аккуратно сложил его и засунул в карман.

– Большое спасибо за помощь, – сказал он.

– Где вы остановились? – спросил Пфаффер.

– В «Альфе», напротив вокзала.

Пфаффер проводил его до двери.

– Надеюсь, что вам понравится в Люксембурге.

– Несомненно, – ответил Дикштейн и пожал ему руку.

Этот прием запоминания Дикштейн освоил еще ребенком в затхлой комнатухе над булочной, пытаясь различить странные закорючки иврита. Хитрость заключалась в том, чтобы выделить одну уникальную черту и запомнить ее, игнорируя все остальное. Именно эту мнемотехнику Дикштейн использовал сейчас, запоминая лица сотрудников Евратома.

Вечером он устроился неподалеку от входа в комплекс «Жан Монне», наблюдая за людьми, выходящими с работы. Секретари, курьеры и прочий обслуживающий персонал, равно как и руководители высшего звена, его не интересовали. Ему нужна была средняя прослойка: программисты, администраторы, начальники небольших отделов, личные ассистенты и заместители. Наиболее подходящих Нат награждал кличками, подмечая особые штрихи: Стеклашка, Жесткий Воротничок, Тони Кертис²⁰, Безносый, Снежок, Кубинец, Толстозадый.

Стеклашка – пухлая женщина под сорок без обручального кольца – получила свое прозвище за блестящую оправу очков. Дикштейн последовал за ней на стоянку, где она с трудом втиснулась в белый «Фиат». Его арендованный «Пежо» был припаркован неподалеку.

Двигаясь медленно и неуверенно, женщина пересекла мост Адольфа и направилась на юго-восток; конечной целью оказалась деревушка Мондорф-ле-Бен. Въехав в мощный булыжник двор, она вышла из машины и своим ключом открыла дверь стандартного небольшого домика.

Деревушка была одним из туристических объектов – здесь били термальные источники. Дикштейн повесил на шею фотоаппарат и принялся бродить по округе, как бы невзначай проходя мимо дома Стеклашки. Один раз ему удалось мельком увидеть ее в окне: она подавала ужин какой-то престарелой даме.

После полуночи, когда Дикштейн уезжал, «Фиат» все еще стоял на месте.

Выбор оказался явно неудачный: старая дева, живущая с мамой; достаток средний – дом, скорее всего, принадлежал матери; никаких особенных пороков.

---

²⁰ Тони Кертис – американский актер, пользовавшийся широкой популярностью в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Еще три дня прошли впустую. Кубинец, Толстозадый и Тони Кертис были «пустышками».

А вот Жесткий Воротничок подошел идеально: стройный, элегантный мужчина в темно-синем костюме, скромном галстуке и белой рубашке с накрахмаленным воротником, примерно одних лет с Дикштейном. Темные волосы – чуть длиннее, чем принято в его возрасте, – слегка серебрились у висков; туфли явно ручной работы. Вечером объект вышел из офиса и пешком отправился в старый город. На одной из узких мощеных улочек он свернул к таунхаусу и вошел в подъезд. Через две минуты в мансардном окне зажегся свет.

Около двух часов Дикштейн слонялся поблизости. Наконец Воротничок вышел. На этот раз на нем были светлые обтягивающие брюки, а на шее небрежно болтался оранжевый шарф. Волосы он зачесал на лоб, чтобы выглядеть моложе; походка его стала бодрой и упругой.

На рю Дик Воротничок неожиданно нырнул в какой-то неосвещенный подвал. Дикштейн задержался у входа, оглядываясь. Снаружи не было ни табличек, ни вывесок. Спустя мгновение он слышал слабые звуки музыки.

Двое юношей в похожих желтых джинсах прошли мимо него и стали спускаться внутрь. Один из них обернулся и произнес, ухмыляясь:

– Да-да, сюда.

Дикштейн последовал за ними.

Внизу оказался обычный с виду ночной клуб: столики, маленькая танцплощадка, несколько отдельных кабинок и джазовое трио в углу. Дикштейн заплатил за вход, устроился в кабинке и заказал пиво, держа объект в поле зрения.

Он уже догадался, почему здесь царит атмосфера скрытности: это был гей-клуб. Раньше ему не приходилось посещать подобные заведения, и его удивила неожиданная благопристойность. Правда, на некоторых мужчинах виднелся легкий макияж, возле бара тусовалась парочка трансвеститов, а хорошенькая девушка держалась за руки с женщиной постарше. Однако большинство посетителей выглядели вполне прилично – по европейским павлиньим стандартам, да и явных наркоманов не наблюдалось.

Воротничок сидел рядом со светловолосым юношей в двубортном пиджаке бордового цвета. Дикштейн не испытывал никаких особых чувств на эту тему и даже не обижался, когда люди ошибочно принимали за гомосексуалиста его самого, сорокалетнего холостяка. Главное, Воротничок был работником Евратома, которому есть что скрывать.

Подошел официант.

– Ты один, дорогуша?

Дикштейн покачал головой.

– Я жду друга.

Трио сменил гитарист, исполнявший похабные народные песенки на немецком. Большинство шуток Дикштейн не понял, но аудитория покатывалась со смеху. После его выступления несколько пар вышли на танцплощадку.

Тем временем Воротничок положил руку на колено своего спутника. Заметив это, Дикштейн встал и направился к ним.

– Привет! – весело сказал он. – Это вас я видел на днях в Евратоме?

Воротничок глубоко побледнел.

– Я... я... не знаю...

Дикштейн протянул руку.

– Эд Роджерс, – представился он тем же именем, что и Пфафферу. – Журналист.

– Очень приятно, – пробормотал Воротничок, все же сохранив присутствие духа настолько, чтобы не выдать своего имени.

– Ладно, мне пора бежать, – сказал Дикштейн. – Приятно было познакомиться.

– До свидания.

Он развернулся и вышел из клуба. На данном этапе этого достаточно: Воротничок понял, что его секрет раскрыт, и перепугался до смерти.

Его вели с самой рю Дик.

«Хвост» даже не делал попыток замаскироваться, держась позади на расстоянии пятнадцати-двадцати шагов. Дикштейн делал вид, что ничего не замечает. Переходя дорогу, он осторожно оглянулся: за ним шел крупный юнец с длинными волосами в потертой кожаной куртке.

Мгновение спустя еще один вышел из тени и загородил ему дорогу. Дикштейн остановился, выжидая. Что все это значит? Кто бы мог за ним следить? И, главное, зачем посылать таких топорных дилетантов?

В свете уличного фонаря блеснуло лезвие ножа. Сзади подошел «хвост».

– Ну-ка, гомик, давай сюда кошелек, – приказал второй.

Дикштейн вздохнул с облегчением: всего лишь воришки, рассчитывающие на легкую добычу из гей-клуба.

– Только не бейте! Я отдам деньги! – Дикштейн достал бумажник.

– Все давай!

Дикштейн не планировал драться с ними, да и наличные можно легко пополнить, однако потеря документов и кредиток значительно осложнила бы жизнь. Он вытащил купюры и протянул им.

– Документы мне нужны. Возьмите деньги, и я не буду звонить в полицию.

Тот, что зашел спереди, схватил бумажки.

– Забери у него кредитки, – сказал тот, что сзади.

Стоявший перед ним выглядел послабее. Дикштейн взглянул ему прямо в лицо и сказал:

– Не жадничай, сынок, ты уже получил свое.

Он обошел его сбоку и энергично зашагал вперед. Кожаные подметки выбили короткую дробь, и юнец набросился на него сзади.

Выбора не оставалось. Дикштейн резко развернулся, поймал летящую в него ногу и крутанул. Послышался хруст лодыжки; парень взвыл от боли и рухнул наземь. Второй тут же кинулся вперед с ножом. Дикштейн отпрянул, пнул его в голень, снова отпрыгнул и пнул еще раз. Тот сделал выпад; Дикштейн уклонился и пнул его в то же самое место. Снова раздался хруст, и второй улегся рядом с первым.

Дикштейн постоял над ними, чувствуя себя родителем, чьи дети расшалились так, что пришлось их отшлепать. «Вот зачем вы меня вынудили?» – с грустью подумал он. И правда, всего лишь дети: пожалуй, не больше семнадцати. Правда, довольно испорченные, раз охотятся на гомосексуалистов, но ведь и он занимался ровно тем же.

Лучше всего завтра же уехать из города.

Работая на местности, Дикштейн старался как можно реже выходить из отеля, чтобы не попадаться на глаза. Так недолго было и спиться, хотя он себе этого не позволял – алкоголь притуплял бдительность, да и желание возникало не всегда. Большую часть времени Дикштейн проводил, сидя перед мерцающим экраном телевизора или выглядывая из окна. Он не гулял по улицам, не сидел вечерами в баре отеля и даже еду заказывал исключительно в номер. Однако всякой предосторожности есть предел – невозможно превратиться в человека-невидимку. В лобби отеля Дикштейн наткнулся на старого знакомого.

Он собирался выселяться и уже протянул администратору кредитку на имя Эда Роджерса, как вдруг позади него кто-то воскликнул по-английски:

– Кого я вижу! Нат Дикштейн собственной персоной!

Именно этого он всегда и боялся. Всякий агент, работающий под прикрытием, живет в постоянном страхе перед случайной встречей с человеком из прошлого. Отсюда и ночные

кошмары с криками полицейских: «Попался, шпион!» И как всякий агент, он был подготовлен к такому повороту событий. Железное правило гласит: «Никогда не признавайся!» В школе их заставляли отрабатывать этот прием. Тебе говорят: «Сегодня ты – Хаим Мейерсон, студент» и тому подобное; и ты целый день вживаешься в образ. А вечером тебе устраивают случайную встречу с двоюродным братом, или старым учителем, или раввином, знавшим всю твою семью. И в первый раз ты, конечно же, улыбаешься, здороваешься, завязываешь разговор о былых временах, а вечером инструктор говорит тебе: «Все, ты покойник». Мало-помалу ты приучаешься невозмутимо смотреть в глаза старым друзьям и спокойно спрашивать: «А вы вообще кто?»

Дикштейн действовал согласно инструкции. Сперва он поднял глаза на администратора, который в этот момент оформлял его выселение под фамилией Роджерс. Тот никак не отреагировал: то ли не понял, то ли не расслышал, то ли ему было все равно.

Дикштейн натянул на лицо извиняющуюся улыбку и обернулся.

– Боюсь, вы ошиблись... – начал он по-французски.

И осекся.

...Платье Эйлы было задрано до пояса; раскрасневшись от удовольствия, она жадно целовала Хасана.

– Это и правда ты! – сказал Ясиф Хасан.

Под влиянием внезапно нахлынувшего воспоминания двадцатилетней давности Дикштейн потерял контроль над собой и совершил самую большую ошибку за всю свою карьеру. Он растерянно уставился на араба и промямлил:

– Господи, Хасан!

Тот улыбнулся и протянул руку.

– Когда же мы виделись последний раз? Пожалуй, лет двадцать назад!

Дикштейн механически пожал протянутую руку, осознавая свой промах, и попытался сосредоточиться.

– Да, наверное... Что ты тут делаешь?

– Я тут живу, а ты?

– А я как раз уезжаю. Единственное, что он мог сейчас сделать, – это убраться поскорее, пока не стало еще хуже. Администратор протянул ему счет. Он нацарапал на бумаге «Эд Роджерс» и демонстративно взглянул на часы. – Черт, пора на самолет.

– Моя машина как раз у входа, – сказал Хасан. – Я тебя подвезу. Нам обязательно нужно поговорить.

– Я заказал такси...

Хасан повернулся к администратору и протянул ему мелочь.

– Отмените такси и передайте шоферу за беспокойство.

– Но я и правда спешу... – попробовал возразить Дикштейн.

– Так пойдем скорей! – Хасан подхватил его чемодан и вышел.

Дикштейн последовал за ним, чувствуя себя беспомощным идиотом.

Они сели в потрепанный спортивный автомобиль. Наблюдая за Хасаном, выходящим из-под знака «Стоянка запрещена», Дикштейн отметил, что тот изменился – и дело не только в возрасте. Седина в усах, расплывшаяся талия, низкий голос – все это, конечно, предсказуемо, однако появилось что-то еще. Хасан из прошлого выглядел как типичный аристократ: вальяжный, хладнокровный, слегка скучающий в среде буйной молодежи. Теперь же его заносчивость исчезла, он стал похож на свою машину: слегка потрепан жизнью, немного суетлив. С другой стороны, Дикштейн еще тогда сомневался, не была ли поза надменного аристократа результатом тщательной работы над собой.

Смирившись с последствиями своего промаха, Дикштейн попытался определить масштабы катастрофы.

– Так ты теперь живешь здесь? – спросил он.

– Тут европейский филиал моего банка.

«Может, он все еще при деньгах», – подумал Дикштейн.

– А что за банк?

– Ливанский банк «Сиде».

– Почему именно в Люксембурге?

– Это крупный финансовый центр, – ответил Хасан. – Здесь находятся Европейский инвестиционный банк и Международная фондовая биржа. А ты-то как?

– Я живу в Израиле. В моем кибуце делают вино, вот я и разнюхиваю возможности европейского экспорта.

– Да им свое девать некуда!

– Начинаю склоняться к той же мысли.

– У меня здесь много связей; если хочешь, могу устроить тебе встречу с кем-нибудь по этой линии.

– Спасибо. Пожалуй, воспользуюсь твоим предложением. – На худой конец можно и правда продать немного вина.

– Значит, вот как все обернулось: твой дом теперь в Палестине, а мой – в Европе, – задумчиво произнес Хасан.

– И как дела у банка? – спросил Дикштейн. Интересно, что Хасан имел в виду, когда сказал «мой банк»? «Банк, которым я владею» или «банк, которым я управляю»? А может, «банк, в котором я работаю»?

– О, дела идут отлично!

Похоже, темы для разговора исчерпались. Конечно, у Дикштейна было много вопросов: что стало с семьей Хасана в Палестине, чем закончилась его интрижка с Эйлой Эшфорд и почему он водит спортивное авто; однако ответы могли оказаться слишком болезненными для них обоих.

– Ты женат? – спросил Хасан.

– Нет, а ты?

– Тоже нет.

– Странно...

– Мы с тобой не из тех, кто торопится взвалить на себя обязательства, – улыбнулся Хасан.

– Ну почему, у меня есть обязательства, – возразил Дикштейн, вспомнив Мотти, с которым они еще не дочитали «Остров сокровищ».

– Но по сторонам посматриваешь, а? – подмигнул Хасан.

– Насколько я помню, это больше по твоей части, – сказал Дикштейн, нахмурившись.

– Да, было время!

Дикштейн усилием воли отогнал мысли об Эйле. Тем временем они прибыли в аэропорт, и Хасан остановил машину.

– Спасибо, что подвез, – сказал Дикштейн.

Хасан повернулся и уставился на него.

– Просто глазам своим не верю, – сказал он. – Ты выглядишь моложе, чем двадцать лет назад.

– Извини, я правда спешу. – Дикштейн пожал ему руку и вышел из машины.

– В следующий раз как приедешь – позвони, не забудь! – напомнил Хасан.

– Пока. – Дикштейн закрыл дверцу и направился к зданию аэропорта.

Теперь можно было отпустить воспоминания на волю...

Все четверо замерли. Казалось, мгновение длится вечность... Руки Хасана скользнули вдоль тела Эйлы... Друзья пришли в себя и поспешно ретировались. Любовники их так и не заметили.

Отойдя на приличное расстояние, Кортоне негромко воскликнул:

– Вот это да! Горячая штучка!

– Давай не будем, – прервал его Дикштейн. Ему казалось, что он с размаху налетел на фонарный столб; его душили боль и ярость.

К счастью, гости уже расходились. Дикштейн и Кортоне покинули гостеприимный дом, не попрощавшись с мужем-рогоносцем; впрочем, тот был слишком погружен в разговор с каким-то аспирантом в дальнем углу.

Они пообедали в «Джордже». Дикштейн почти ничего не ел, лишь выпил немного пива.

– Чего ты так расстраиваешься? – спросил Кортоне. – Зато теперь ясно, что она вполне доступна, разве нет?

– Угу, – пробормотал Дикштейн, чтобы закрыть тему.

Принесли счет. Дикштейн проводил товарища до вокзала, они торжественно пожали друг другу руки, и Кортоне сел в поезд.

Полдня Дикштейн бродил по парку, не замечая холода, пытаясь разобраться в своих чувствах. Он не ревновал к Хасану, не был разочарован в Эйле или обманут в надеждах, поскольку ни на что и не надеялся. Просто мир рухнул...

Вскоре он уехал в Палестину, впрочем, не только из-за Эйлы.

За всю последующую жизнь у него так и не случилось ни одного романа, впрочем, опять же, не только из-за Эйлы.

Ясиф Хасан возвращался из аэропорта вне себя от злости. Перед глазами стоял юный Дикштейн: бледный еврей в дешевом костюмчике, тощий, как девчонка; вечно сторбленный, словно в ожидании порки; уставившийся с юношеским вожделением на зрелую плоть Эйлы Эшфорд; до хрипоты спорящий о том, что его народ заберет себе Палестину даже против воли арабов. Тогда он казался Хасану смешным, наивным ребенком. А что теперь? Дикштейн живет в Израиле и выращивает виноград; он обрел свой дом, а Хасан потерял.

Собственно, Хасан никогда не был сказочно богат – даже по левантийским меркам, – но всегда имел отличный стол, дорогую одежду и самое лучшее образование, и потому он сознательно перенял манеры арабской аристократии. Его дедушка, успешный врач, назначил старшего сына своим преемником, а младшего – отца Хасана – определил в коммерцию. Тот успешно торговал тканями в Палестине, Ливане и Трансиордании. При англичанах дело процветало, а еврейская иммиграция увеличила рынок сбыта. К 1947 году семья владела магазинами по всему Леванту и родовой деревней под Назаретом.

Война 1948-го разорила их.

После провозглашения Государства Израиль и поражения арабской армии семья Хасана совершила фатальную ошибку: они собрали чемоданы и сбежали в Сирию. Вернуться им было не суждено. Склад в Иерусалиме сгорел дотла, лавки были разрушены или захвачены евреями, земли конфискованы правительством, а в их деревне создали кибуц.

С тех самых пор отец Хасана жил в лагере беженцев. Напоследок он успел сделать важную вещь: написал своим ливанским банкирам рекомендательное письмо для Хасана. У того уже имелся в багаже университетский диплом и отличный разговорный английский: банк предложил ему работу.

В 1953 году он подал прошение о компенсации согласно вышедшему Закону об экспроприации земель, но ему отказали.

Хасан навестил семью лишь однажды, однако увиденное запечатлелось в его памяти навечно. Они жили в дощатой хибарке среди тысяч таких же беженцев – без дома, без цели,

без надежды. Увидев своего умного, решительного отца, прежде управлявшего крупным бизнесом, а теперь стоящего в очереди за едой и убивающего время за игрой в нарды, Хасан был готов кидать бомбы в школьные автобусы.

Правда, женщины, как и прежде, готовили пищу и прибирались, мужчины же бродили из угла в угол в одежде с чужого плеча, дряхлели и тупели без дела. Подростки важничали, задирались как петухи и дрались на ножах – у них тоже не было иной перспективы, кроме как бесцельно прожигать жизнь под горячим южным солнцем.

Лагерь пах нечистотами и безнадёжностью. Хасан больше не приезжал туда, хотя регулярно писал матери. Ему чудом удалось избежать этой зловонной западни, и хотя он фактически бросил своего отца на произвол судьбы – что ж, тот сам ему помог, а значит, такова его воля.

Впрочем, карьеру в банке сделать пока не удалось. Хасан был способным и добросовестным служащим, но воспитание не подготовило его для кропотливой счетной работы, включающей перекалывание кучи бумажек и ведение отчетности в трех экземплярах. Да и мысли занимало совсем другое.

Хасан так и не смирился с потерями и нес свою ненависть по жизни, словно тайный крест. Несмотря на все оправдания, сердцем он чувствовал, что покинул отца в нужде, и комплекс вины подпитывал его ненависть к Израилю. Каждый год он надеялся, что арабская армия уничтожит сионистских захватчиков, и каждый раз, когда они проигрывали, боль и злоба становились все сильнее.

В 1957 году Хасан начал работать на египетскую разведку.

Когда ливанский банк начал расширять свой бизнес в Европе, Хасан принаоровился вылавливать из сплетен коллег случайные обрывки полезной информации. Иногда ему приказывали выяснить состояние счета какого-нибудь производителя оружия, еврея-филантропа или арабского миллионера; если в банковских документах не удавалось обнаружить эти данные, Хасан выяснял их с помощью друзей и деловых контактов. Кроме того, он должен был держать в поле зрения всех израильских коммерсантов, находящихся в Европе, на случай если они окажутся агентами. Именно поэтому Хасан прицепился к Дикштейну и изобразил радость дружеской встречи.

Сперва ему показалось, что тот говорит правду: в потертом костюме, в тех же дешевых круглых очках, такой же неприметный, Дикштейн выглядел в точности как низкооплачиваемый торговый агент. Однако вчерашнее происшествие на рю Дик настораживало. Через информатора в полиции Хасан выяснил все детали: двоих молодых ребят, промышлявших грабёжом, нашли в канаве с серьезными увечьями. Очевидно, они нарвались на неожиданный отпор. Характер повреждений говорил о том, что действовал профессионал: солдат, телохранитель, полицейский... или агент. После такого инцидента любой израильтянин, в спешке покидающий город наутро, выглядел подозрительно.

Хасан вернулся в отель и обратился к администратору:

– Вы помните меня? Я был здесь час назад, когда один из ваших гостей выселялся.

– Да, сэр.

Хасан вытащил из кошелька две сотни франков.

– Скажите, пожалуйста, под каким именем он зарегистрировался?

– Минутку, сэр. – Служащий заглянул в журнал. – Эдвард Роджерс из журнала «Сайенс интернешнл».

– Точно? Не Натаниэль Дикштейн?

Администратор терпеливо покачал головой.

– Проверьте, пожалуйста, не останавливался ли у вас Натаниэль Дикштейн из Израиля?

– Минутку.

Волнение Хасана нарастало. Если Дикштейн зарегистрировался под чужим именем – значит, он вовсе не виноторговец. А кто же тогда, если не агент? Наконец администратор закрыл журнал и поднял голову.

– Нет, сэр, абсолютно точно.

– Спасибо.

Возвращаясь на работу, Хасан ликовал: ему удалось проявить смекалку и обнаружить важную информацию. Сев за стол, он составил телеграмму:

ПОДОЗРЕВАЮ ИЗРАИЛЬСКОГО АГЕНТА: НАТ ДИКШТЕЙН, ДЕЙСТВУЕТ ПОД ИМЕНЕМ ЭДА РОДЖЕРСА. РОСТ МЕТР СЕМЬДЕСЯТ, ХУДОЩАВЫЙ, ВОЛОСЫ ТЕМНЫЕ, ГЛАЗА КАРИЕ, ВОЗРАСТ ОКОЛО СОРОКА.

Хасан зашифровал сообщение, добавил в начало кодовое слово и отправил телексом в головной офис банка в Египте. Разумеется, туда оно не попадет: на почте его перенаправят в Департамент общих расследований.

Сделав дело, Хасан понемногу начал возвращаться с небес на землю. Конечно же, никакой реакции не последует, и благодарности он не дожидается. Ничего не оставалось, кроме как выбросить мечты из головы и вернуться к рутинной работе.

И тут ему позвонили из Каира.

Прежде такого никогда не случалось. Порой из центра посылали телеграммы, телексы и даже письма – разумеется, зашифрованные. Раз или два он встречался с людьми из арабских посольств – они передавали устные инструкции. Но ему никогда не звонили.

Звонивший интересовался Дикштейном.

– Необходимо подтвердить личность клиента, упомянутого в вашем сообщении. На нем были круглые очки?

– Да.

– Он разговаривал по-английски с акцентом кокни? Вы смогли бы распознать такой акцент?

– Да и да.

– У него была татуировка в виде номера на предплечье?

– Сегодня я ее не видел, но знаю, что она есть. Мы вместе учились в Оксфорде; я уверен, что это именно он.

– Вы его знаете?! – В голосе собеседника прозвучало изумление. – Эта информация указана в вашем досье?

– Нет, я ни разу...

– А должна быть! – сердито оборвал его собеседник. – Как давно вы работаете с нами?

– С 1957 года.

– Тогда понятно. Дела давно минувшие... Так, ладно, слушайте внимательно. Этот человек – очень важный... клиент. Не отходите от него ни на шаг. Вам понятно?

– Не могу, – печально ответил Хасан. – Он уехал из города.

– Куда?

– Я высадил его в аэропорту, а дальше не знаю...

– Так узнайте! Позвоните в авиакомпанию, выясните, каким рейсом он летел, и перезвоните мне через пятнадцать минут.

– Постараюсь...

– Меня не интересуют ваши старания, – отчеканил голос из Каира. – Мне нужно знать, куда он летит, и как можно скорее – его нельзя упускать. Жду звонка через пятнадцать минут.

– Сейчас же этим займусь, – сказал Хасан, но в ответ раздались короткие гудки. Он положил трубку. Как и ожидалось, благодарности не последовало – да и черт с ней! Вышло даже

лучше: внезапно он стал важной персоной, ему дали срочное задание, на него рассчитывали. Наконец-то у него появился шанс нанести ответный удар.

Хасан снова поднял трубку и принялся звонить в аэропорт.

Глава четвертая

Нат Дикштейн выбрал для посещения французскую АЭС только потому, что из всех европейских языков более-менее сносно говорил лишь по-французски. Англия отпадала, поскольку не была членом Евратома.

На станцию он ехал в автобусе в разношерстной компании студентов и туристов. За окнами проносилась пыльная зелень юга, больше похожая на Галилею, чем на Эссекс – привычную сельскую местность его детства. С тех пор Нат немало помотался по свету; перелеты стали для него так же привычны, как и для любого завсегдатая модных курортов. Однако он еще помнил то время, когда мир ограничивался улицей Парк-Лейн на западе и городком Саутэнд-он-Си на востоке. Горизонты внезапно расширились после бар-мицвы и смерти отца – именно тогда Нат стал воспринимать себя взрослым мужчиной. Его ровесники видели свою дальнейшую жизнь просто: устроиться на работу в порту или в типографии, жениться на местной девушке, найти дом неподалеку от родителей и остепениться. Их амбиции ограничивались разведением породистых борзых, покупкой авто или надеждой, что «Уэст Хэм Юнайтед» выйдет в финал. Мечты юного Ната простирались гораздо дальше: отправиться куда-нибудь на край света – в Калифорнию, в Родезию или Гонконг, стать нейрохирургом, археологом или миллионером – отчасти потому, что он был умнее большинства сверстников, отчасти потому, что иностранные языки казались им загадочным и сложным школьным предметом вроде алгебры. Однако главная разница заключалась в его национальности. Гарри Чизман, партнер Ната по игре в шахматы, обладал умом, талантом и сильным характером, однако считал себя принадлежащим к рабочему классу, и его все устраивало. Дикштейн всегда знал – хотя вряд ли кто-то говорил ему об этом прямо, – что евреи способны пробиться в жизни независимо от того, где они родились: поступать в престижные университеты, создавать с нуля кинокомпании, становиться успешными банкирами, юристами и фабрикантами. Если это им не удавалось в родной стране, они уезжали и начинали все сначала в другом месте. Странно, что веками гонимый и преследуемый народ может так истово верить в успех любых своих начинаний. Вот, пожалуй-ста: понадобилась им атомная бомба – чего проще, иди и раздобудь.

Вдалеке проступили очертания атомной станции. Подъехав ближе, Дикштейн понял, что недооценивал размеры реактора: он занимал вовсе не маленькую комнату, как ему представлялось, а целое десятиэтажное здание.

Охрана внешнего периметра была организована скорее на промышленном уровне, чем на военном. Территорию окружал высокий забор без электрической защиты. Пока экскурсовод улаживала формальности на КПП, Дикштейн заглянул внутрь помещения: работали всего две камеры. «Сюда можно провести полк солдат посреди бела дня – и никто даже не заметит, – подумал он. – Плохо дело – значит, у них есть куда более надежная защита».

Он вышел из автобуса вместе со всеми и направился к зданию администрации. Благоустроенная территория работала на экологический имидж атомной отрасли: ухоженные клумбы и газоны, свежесаженные деревья, всюду безупречная чистота и белизна, ни малейших следов дыма. Оглянувшись на пост охраны, Дикштейн заметил подъехавший серый «Опель»; водитель вышел из машины и разговаривал с охранником: судя по всему, тот объяснял ему, как проехать. На мгновение в салоне что-то блеснуло на солнце.

Дикштейн проследовал в холл вместе с группой экскурсантов. В стеклянной витрине хранился кубок регби, выигранный сборной командой станции; на стене висела фотография комплекса, выполненная с воздуха. Дикштейн постарался запомнить все детали, лениво прикидывая возможную схему проникновения, хотя на самом деле его больше беспокоил серый «Опель».

По станции их водили четыре специально обученные девушки в элегантной униформе. Дикштейна не интересовали ни огромные турбины, ни диспетчерская, оборудованная по последнему слову техники, с кучей экранов и датчиков, ни водозаборник с фильтрами, задерживающий рыб и выпускающий их обратно в реку целыми и невредимыми. Его мысли занимали люди из «Опея». Неужели за ним следят?

В отсеке подачи топлива он оживился и обратился к экскурсоводу:

– А как сюда поступает уран?

– Его привозят на грузовиках, – ответила она, хитро улыбаясь.

Кто-то нервно хихикнул, представив себе машины с радиоактивным веществом, открыто разъезжающие по стране.

– Это вовсе не опасно, – продолжила девушка, получив ожидаемую реакцию. – До попадания непосредственно в реактор топливо не является радиоактивным. Его подают на эlevator и поднимают на седьмой этаж, дальше вся работа автоматизирована.

– А как проверяют количество и качество прибывшей партии? – спросил Дикштейн.

– Этим занимаются на заводе-изготовителе, там товар пломбируют, а здесь проверяют только пломбы.

– Спасибо.

Дикштейн был доволен: значит, система проверки не так уж совершенна, как расписывал Пфаффер. В голове начали вырисовываться кое-какие схемы.

Далее экскурсантам продемонстрировали работу загрузочного устройства: сидя за пультом управления, оператор перенес топливный блок²¹ из хранилища, поднял бетонную крышку топливного канала, убрал использованную кассету, вставил новую, закрыл крышку и опустил отработанную кассету в заполненную водой шахту, ведущую в охлаждающий бассейн.

Соблазнительный голос экскурсовода журчал на безупречном французском:

– В реакторе три тысячи топливных каналов; в каждом канале – восемь топливных стержней. Срок службы стержня – от четырех до семи лет. За одну операцию загрузочное устройство обновляет топливные блоки в пяти каналах.

Они перешли к охлаждающим бассейнам. На шестиметровой глубине израсходованные блоки упаковывали в чехлы, затем – охлажденные, но все еще радиоактивные – запечатывали в пятидесятитонные свинцовые контейнеры, по двести штук в каждый, и отправляли на перерабатывающий завод.

Пока экскурсовод подавала кофе и пирожные в холле, Дикштейн переваривал полученную информацию. Раньше ему казалось, что легче всего просто украсть использованное топливо и переработать его в плутоний. Теперь он понял, почему никто не предложил такой план: угнать-то грузовик можно, даже в одиночку – но как протащить через все границы огромный контейнер?

Идея кражи урана непосредственно со станции тоже не вдохновляла. Охрана, конечно, организована слабовато – об этом говорило уже одно то, что ему позволили провести разведку на местности и даже устроили экскурсию. Однако в пределах станции топливо циркулировало в автоматической, дистанционно управляемой системе и выйти наружу могло только после прохождения полного цикла, а значит, все возвращается к проблеме перевозки контейнера в один из европейских портов.

Теоретически можно пробраться в хранилище, перетащить топливо на эlevator, спустить вниз, погрузить на машину и увезти, но тогда придется держать весь персонал станции под дулом пистолета, а по условию задачи операцию нужно проверить тайно.

---

²¹ Топливный блок (кассета, сборка) – конструкция, представляющая собой пучок тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ, топливный стержень). ТВЭЛ, в свою очередь, состоит из герметичных трубок, заполненных таблетками урана.

Экскурсовод предложила ему еще чашку, и он не отказался – что-что, а кофе французы готовить умеют. Молодой инженер в мешковатом свитере и мягких брюках принялся рассказывать о ядерной безопасности. Ученого или технаря всегда легко распознать, подумал Дикштейн: удобная поношенная одежда, борода, отпущенная из лени. Наверное, в их сфере мозга ценятся гораздо выше внешности, и нет смысла стараться произвести хорошее впечатление с первого взгляда. Хотя, возможно, это всего лишь романтизация науки.

Он пропустил лекцию мимо ушей: физик из Института Вейцмана был куда более лаконичен. «Нет такого понятия, как безопасный уровень радиации. Это все равно что прийти к озеру и сказать: глубина метр – я в безопасности; глубина три метра – я утону. На самом деле уровни радиации можно сравнить с ограничением скорости на шоссе: 50 км/ч безопаснее, чем 130, а 30 – еще лучше, но полную безопасность вы обеспечите, только сидя дома на диване».

Дикштейн вновь мысленно вернулся к проблеме кражи. Проклятое требование соблюдать секретность заваливало на корню все возможные планы. А может, эта затея изначально обречена на провал? В конце концов, выше головы не прыгнешь... Нет, еще рано сдаваться.

Итак, основная цель определилась: груз нужно перехватить в пути. Как выяснилось, топливные блоки здесь не проверяют. Можно угнать грузовик, извлечь уран из топливных стержней, снова запечатать и подкупить либо угрозами принудить шофера доставить на станцию пустые оболочки. В течение следующих месяцев их постепенно установят в реактор, в результате чего выработка незначительно снизится. Начнется расследование, будут проводить тесты. Возможно, никто и не поймет, в чем дело, пока пустые кассеты не отслужат свой срок и их не отправят на переработку. Однако к тому времени – от четырех до семи лет спустя – след, ведущий в Тель-Авив, уже затеряется.

Хотя могут узнать и раньше. Кроме того, остается проблема вывоза топлива из страны.

Ну, по крайней мере, какой-то предварительный план намечен, уже неплохо.

Наконец лекция закончилась. Кто-то задал пару-тройку бессвязных вопросов, и экскурсантов отвели обратно в автобус. Дикштейн занял место в конце салона. Подошедшая женщина средних лет заявила:

– Это мое место.

Дикштейн уставился на нее с каменным выражением лица, и она отошла.

По дороге со станции он периодически поглядывал в заднее окно. Где-то через пару километров из-за поворота выехал серый «Опель» и пристроился за автобусом. Дикштейн помрачнел.

Значит, его все-таки засекли: либо здесь, либо в Люксембурге... Скорее всего, в Люксембурге. Ясиф Хасан? Он вполне мог оказаться агентом. Или кто-то другой... Наверняка за ним следили просто так, из любопытства; откуда им знать о его намерениях? Или?.. В любом случае от «хвоста» надо избавиться.

Целый день Дикштейн разъезжал по городу и окрестностям на автобусе, на такси, на автомобиле, а в промежутках ходил пешком. К вечеру он сумел распознать три машины: серый «Опель», маленький грязный пикап и немецкий «Форд», а также пятерых наблюдателей. Мужчины походили на арабов, хотя в этой части Франции многие криминальные личности были родом из Северной Африки: возможно, кто-то нанял в помощь местных. Теперь понятно, почему он их не заметил раньше: они постоянно меняли машины и людей; их выдала лишь долгая пустынная дорога до атомной станции и обратно.

На следующий день Дикштейн арендовал автомобиль и выехал за город на автостраду. Некоторое время за ним ехал «Форд», затем его сменил серый «Опель». В каждой машине сидело по двое; еще двое – в грузовике, и один остался возле отеля.

Дикштейн остановился на обочине у пешеходного моста; на ближайшие десять километров в обе стороны съездов с шоссе не было. Он вышел из машины, поднял крышку капота и сосредоточенно уставился внутрь. Серый «Опель» уже растворился вдалеке; через минуту

мимо проехал «Форд». Согласно правилам слежки, «Форд» будет ждать у следующего съезда, а «Опель» вернется посмотреть, чем он занят.

Дикштейн надеялся, что они будут следовать инструкции, иначе его схема не сработает. Он вытащил из багажника знак аварийной остановки и поставил на дорогу.

Навстречу проехал «Опель».

Значит, будут действовать по инструкции.

Выбравшись с автострасы пешком, Дикштейн сел в первый попавшийся автобус и доехал до города. По пути он заметил все три машины и слегка воспрял духом: похоже, они клюнули.

В городе Дикштейн сел в такси и вернулся на шоссе. Он вышел неподалеку от своей машины, но на противоположной стороне дороги. Мимо проехал «Опель»; в паре сотен метров с обочины тронулся «Форд».

Дикштейн бросился бежать. Один из пассажиров «Форда» вышел из машины и последовал за ним.

Работа на виноградниках позволила ему оставаться в хорошей форме. Добежав до пешеходного моста, Дикштейн перебрался на другую сторону шоссе и помчался назад по обочине. Через три минуты он, задыхаясь, добрался до своего автомобиля.

Те уже догадались, что их провели. «Форд» поспешно тронулся, и пассажиру пришлось запрыгивать на ходу.

Дикштейн сел в машину. Теперь преследователи оказались по ту сторону шоссе: чтобы повернуть за ним, им придется проехать до следующего перекрестка. Даже на скорости 100 км/ч весь путь займет у них минут десять; значит, у него будет как минимум пять минут форы – догнать не успеют.

Он рванул с места, держа курс на Париж и напевая себе под нос речевку с футбольных стадионов: «Легче, легче, ле-е-егче».

Когда в Москве стало известно, что арабы готовят атомную бомбу, поднялась настоящая паника.

В Министерстве иностранных дел запаниковали из-за того, что не узнали об этом раньше, в КГБ – из-за того, что не узнали об этом первыми, а в секретариате ЦК – из-за того, что страшно боялись очередного скандала в духе «кто виноват?» между КГБ и МИДом: предыдущий длился одиннадцать месяцев и превратил жизнь в Кремле в сущий ад.

К счастью, способ, который выбрали египтяне для сообщения этой новости, позволил до некоторой степени прикрыть тылы: они всячески подчеркивали, что вовсе не обязаны сообщать союзникам о своем секретном проекте, а просьба о техническом содействии не так уж критична для успеха предприятия. Их посыл, приукрашенный дипломатическими завитушками, звучал так: «Да, кстати, мы тут строим атомный реактор, чтобы изготовить бомбу и стереть Израиль с лица земли – вы нам, случайно, не поможете?» – и был преподнесен как бы невзначай в конце официальной встречи египетского посла в Москве с заместителем начальника отдела Ближнего Востока в МИДе.

Замначальника отдела глубоко задумался. По долгу службы он обязан передать новость начальнику, а тот, в свою очередь, доложит министру. Однако в таком случае вся заслуга достанется шефу, который к тому же не упустит возможности насолить КГБ. Как бы ему самому снять сливки?

Лучший способ продвинуться в Кремле – это оказать кагэбэшникам неоценимую услугу, и сейчас у него на руках козырь. Если предупредить их о просьбе посла, они успеют притвориться, будто давно знают о бомбе и как раз сами собирались сообщить данную информацию.

Замначальника надел пальто, собираясь выйти и позвонить знакомому гэбисту из телефонной будки на случай, если его телефон прослушивается, и тут только сообразил, кто занимается прослушкой. Сняв пальто, он позвонил из своего кабинета.

Его знакомый тоже был тонким знатоком работы системы и тут же поднял шум. Сперва он позвонил секретарю своего начальника и попросил о срочной встрече, тщательно избегая разговора с самим начальником, затем сделал множество телефонных звонков и разослал курьеров по всему зданию с докладными записками. Однако главной его целью стала повестка дня. Случилось так, что повестку дня следующего собрания комитета по Ближнему Востоку напечатали за день до того и как раз в этот момент ее прогоняли в копировальном аппарате. Вытащив листок, он добавил сверху: «Развитие событий в сфере египетского вооружения: специальный доклад», указав в скобках свою фамилию. Сделав копии (со вчерашней датой), он вручную разослал ее в нужные отделы.

И только убедившись в том, что теперь пол-Москвы будет ассоциировать эту новость именно с его фамилией, он отправился к начальству.

В тот же день пришла еще одна новость, гораздо менее значительная. В ходе стандартной процедуры обмена данными между КГБ и египетской разведкой Каир сообщил о том, что в Люксембурге замечен израильский агент Натаниэль Дикштейн, в данный момент объект находится под наблюдением. В силу обстоятельств эта информация прошла почти незамеченной. Лишь один сотрудник КГБ заподозрил возможную связь между двумя событиями.

Звали сотрудника Давид Ростов.

Отец Ростова был дипломатом среднего звена, его карьера не удалась из-за отсутствия связей – в частности, связей в разведке. Поняв это, сын с холодной расчетливостью устроился на работу в КГБ (тогда НКВД).

В Оксфорд он поступил, уже будучи тайным агентом. В те идеалистические времена, когда СССР только что выиграл войну и масштабы сталинской зачистки еще не были оценены в полной мере, крупнейшие английские университеты считались плодородной почвой для вербовки в советскую разведку. Ростов лично нашел пару агентов, один из которых до сих пор работал на них в Лондоне. А вот Нат Дикштейн оказался ему не по зубам.

В те времена юный Дикштейн склонялся в сторону социализма и по характеру отлично подходил для шпионажа: замкнутый, упорный, недоверчивый интеллектual. Ростов припомнил спор о судьбе Ближнего Востока с Хасаном и Эшфордом в домике у реки. Кстати, победа в том шахматном матче далась Дикштейну нелегко.

Однако он был начисто лишен идейного рвения. Несмотря на твердость своих убеждений, Дикштейн не имел ни малейшего желания навязывать их всему миру – типичная позиция ветеранов войны. «Если ты и вправду готов бороться за социализм во всем мире, надо работать на Советский Союз», – выкладывал приманку Ростов, на что те обычно отвечали: «Чушь собачья».

После Оксфорда Ростов работал в советских посольствах в Риме, Амстердаме, Париже, но на дипломатическую службу так и не перешел. С годами он понял, что ему не стать крупным государственным деятелем, как того хотел отец, – не хватает политической дальновидности. Искренние убеждения юности давно развеялись. По зрелом размышлении он продолжал считать, что социализму, возможно, принадлежит будущее, однако теперь сердце его не было охвачено пламенной страстью слепой веры. Ростов верил в коммунизм примерно так же, как большинство людей верит в Бога: есть – хорошо, нет – нестрашно, а пока надо пользоваться моментом.

В зрелом возрасте Ростов преследовал конкретные цели с куда большей энергией. Он стал превосходным специалистом в своей области, непревзойденным мастером окольных путей и жестоких приемов, и – что особенно важно и в СССР, и на Западе – он научился искусно манипулировать бюрократическим аппаратом, извлекая максимальную выгоду из своих достижений.

Первое главное управление КГБ было чем-то вроде головного офиса, ответственного за сбор и анализ информации. Большинство оперативных агентов работали во Втором управлении – самом крупном подразделении КГБ, которое занималось расследованием диверсий, саботажа, измены, экономического шпионажа и других преступлений, имеющих отношение к политике. Третье главное управление (ранее – СМЕРШ, пока это название не получило скандальную известность на Западе) отвечало за контрразведку и особые операции, там работали самые умные, храбрые и опасные оперативники в мире.

Ростов числился в Третьем управлении и был одним из самых значимых сотрудников.

Он дослужился до звания полковника и получил медаль за освобождение разоблаченного агента из лондонской тюрьмы. С годами Ростов обзавелся женой, двумя детьми и любовницей. Последнюю звали Ольгой. Статная блондинка из Мурманска лет на двадцать моложе оказалась самой восхитительной женщиной в его жизни. Конечно, без полагающихся ему по статусу привилегий она не стала бы его любовницей, и все же ему казалось, что она его любит. Они были похожи, и хотя каждый насквозь видел холодную, амбициозную натуру другого, это лишь добавляло страсти в их отношения. В браке страсть давно угасла, зато остались другие чувства: привязанность, стабильность, привычка, к тому же одна только Маша могла рассмешить его до упаду. Старший сын, Юрий, учился в МГУ и слушал контрабандные пластинки «Битлз», младший, Владимир, считался в семье юным гением и потенциальным чемпионом мира по шахматам. Он подал документы в престижную физико-математическую школу, и отец не сомневался, что его примут: сын заслужил это место по праву, да и влияние полковника КГБ – не пустяк.

Ростов занимал довольно высокое положение в советской интеллектуальной элите, но рассчитывал подняться еще выше. Его жене больше не приходилось стоять в очередях вместе с плебсом – она отоваривалась в «Березке»; кроме того, у них была просторная квартира в Москве и маленькая дача на Балтийском море. Однако Ростов хотел большего: «Волгу» с личным шофером, вторую дачу на Черном море, куда ездить с Ольгой, приглашения на закрытые показы западных фильмов и лечение в кремлевской клинике – возраст начинал сказываться.

В этом году ему исполнялось пятьдесят лет, половину из которых Ростов провел за столом, половину – на оперативной работе со своей небольшой командой. Он был самым старым агентом, все еще работающим за границей. На данный момент перед ним вырисовывались два пути: если замедлить темп и позволить начальству забыть о былых заслугах, можно закончить чтением лекций в школе КГБ где-нибудь в Новосибирске; если продолжить набирать очки, его повысят до административной должности, включат в один или два комитета – словом, его ждет многообещающая и безопасная карьера в разведструктуре; и вот тогда будут и «Волга» с шофером, и дача на Черном море.

Необходимо в ближайшие два-три года провернуть успешное громкое дело. Услышав о Дикштейне, Ростов некоторое время прикидывал, стоит ли рисковать.

Он наблюдал за карьерой Дикштейна с ностальгией учителя математики, чей самый способный ученик вдруг решил податься в художественную школу. Еще в Оксфорде, узнав об истории с украденным оружием, он лично завел на Дикштейна дело. С годами досье пополнялось разными людьми из разных источников: визуального наблюдения, слухов, догадок и, конечно же, старого доброго шпионажа. Из накопившейся информации было ясно: на данный момент Дикштейн – один из самых успешных агентов «Моссада». Если бы удалось принести его голову на блюде, будущее Ростова можно считать обеспеченным.

Однако он не торопился: предпочитал выбирать легкие цели и ловко сливался с пейзажем, когда раздавали рискованные задания. Борьба между ним и Дикштейном была бы слишком равной.

Ростов с интересом читал все последующие отчеты из Люксембурга, но старался не высказываться – именно благодаря политике осторожности он забрался так высоко.

Ситуацию с арабской бомбой рассматривал комитет по Ближнему Востоку. В принципе этим мог бы заниматься любой из двенадцати кремлевских комитетов, поскольку обсуждение было бы везде одинаковым, так как вопрос стоял гораздо шире.

Комитет состоял из девятнадцати членов, двое из которых находились за границей, один был болен, и еще одного сбила машина прямо накануне собрания. Впрочем, это не имело значения. Фактически все решали трое: чиновник из Министерства иностранных дел, сотрудник КГБ и представитель генерального секретаря. Среди второстепенных персонажей присутствовали шеф Ростова, который коллекционировал членство во всех комитетах из принципа, и сам Ростов в качестве советника (из таких мелких штрихов и было ясно, что его планируют повесить).

КГБ выступал против строительства реактора, поскольку наличие бомбы сместит равновесие в более явные сферы, вне зоны их деятельности. Именно по этой причине Министерство иностранных дел высказалось за – бомба прибавила бы им работы и влияния. Представитель генерального секретаря выступал против: если арабы выиграют войну на Ближнем Востоке, то СССР потеряет свой плацдарм.

Собрание началось с чтения доклада «Развитие событий в сфере египетского вооружения». Ростов прекрасно понимал, как можно растянуть один-единственный факт, почерпнутый из телефонного разговора с Каиром, на двадцать минут нудной речи, добавив к нему иностранные умозаключения и долив «воды». Он и сам такое проделывал неоднократно.

Затем мелкая сошка из МИДа долго излагал свое видение политики СССР на Ближнем Востоке. Вне зависимости от мотивов сионистских поселенцев Израиль выжил лишь благодаря поддержке западных капиталистов, которые хотели устроить форпост на Ближнем Востоке, чтобы приглядывать за своими нефтяными интересами, заявил он; и если на сей счет еще оставались какие-то сомнения, англо-франко-израильское нападение на Египет в 1956-м окончательно все прояснило. Советскому Союзу следует поддерживать естественное неприятие арабами этой отрывки колониализма. С точки зрения общемировой политики, инициировать ядерное вооружение арабов было бы неразумно, но раз уж они сами начали, наша задача – помочь им; и так далее...

Всем страшно наскучили эти прописные истины, и последующее обсуждение протекало в более неформальной обстановке – настолько, что шеф Ростова позволил себе заметить:

– Черт возьми, нельзя доверять атомную бомбу психам!

– Согласен, – поддержал представитель генсека, он же – председатель комитета. – Если арабам дать бомбу, они ее взорвут. В ответ на них нападут американцы – тоже, пожалуй, с ядерным оружием; и тогда у нас остается только два варианта: подвести союзников или начать Третью мировую.

– Еще одна Куба, – пробормотал кто-то.

– Можно заключить с американцами соглашение: обе стороны обязуются ни при каких обстоятельствах не использовать ядерное оружие на Ближнем Востоке, – предложил чиновник из МИДа. Если ему удастся запустить такой проект, он будет обеспечен работой лет на двадцать пять.

– А если арабы сбросят бомбу, это будет считаться нарушением договора с нашей стороны? – спросил кагэбэшник.

Вошла женщина в белом переднике, толкая перед собой столик на колесах, и комитет прервался на чайную паузу. Представитель генсека, набив рот пирожным, рассказал анекдот:

– У одного кагэбэшника был глупый сын, который никак не понимал, что такое партия, родина, профсоюз и народ. Тот объяснил ему на примере их семьи, где отец – партия, мать – родина, бабушка – профсоюз, а он сам – народ, но мальчик все равно не понимал. Тогда папа в ярости запер сына в шкафу в родительской спальне, а ночью занялся любовью с женой.

Мальчик, подглядывая в замочную скважину, воскликнул: «Теперь я понял! Партия насилует родину, пока профсоюз спит, а народ должен смотреть и страдать!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.